

18+

Влад Костромин

Кукушкины слезки

Влад Костромин
Кукушкины слезки

«Издательские решения»

Костромин В.

Кукушкины слезки / В. Костромин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502317-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Спустя полтора года после событий, описанных в романе «Змеиный узел», следователь Андрей Иванович выходит из СИЗО «Матросская тишина». Его встречает бывший участковый Володя со своим братом Игорем. Они предлагают следователю вернуться в Карловку и завершить дело. Выкупив из психиатрической больницы Виталика, компания по полным смертельной опасности дорогам 90-х отправляется навстречу новым приключениям и старым тайнам...

ISBN 978-5-00-502317-9

© Костромин В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
I	8
II	14
III	18
IV	27
V	38
VI	44
VII	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Кукушкины слезки

Влад Костромин

© Влад Костромин, 2020

ISBN 978-5-0050-2317-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кукушкины слезки (Карловка – 2)

Спустя полтора года после событий, описанных в романе «Змеиный узел», следователь Андрей Иванович выходит из СИЗО «Матросская тишина». Его встречает бывший участковый Володя со своим братом Игорем. Они предлагают следователю вернуться в Карловку и завершить дело. Выкупив из психиатрической больницы Виталика, компания по полным смертельной опасности дорогам 90-х отправляется навстречу новым приключениям и старым тайнам...

Пролог

В кабинете сидели двое.

– Ух ты, не отчет, а прямо пердимонкль увлекательный...

– Простите, не понял...

– Я говорю, написано живенько так, прямо роман, хоть в «Уральский следопыт» посылай.

Надо бы паренька, который отчет писал, наградить.

– Аналитика?

– Ну, понимаешь, да. Как там его зовут? – грузный седеющий мужчина прочитал приколотую к стопке печатных листов записку, – ... Ааронович? Что за отчество такое?

– Аарона сын. Так чем наградить?

– Нет, – почесал седеющий затылок, – с таким отчеством перетопчется... Пущай вон романы пишет, в «Искатель»... Ну и что, понимаешь, там такое? – грузный седеющий мужчина потряс стопкой листов и уставился на собеседника.

– Борис Николаевич, мы сами толком не знаем, – серый, будто покрытый пылью, мужчина мелко закивал головой. – Все материалы были непосредственно у Грушко¹. После ареста они пропали.

– А где он сейчас?

– Дома, после «Матросской тишины» отдыхает.

– Мы пробовали с ним общаться, но на эту тему он отказывается говорить. Давить после двух инфарктов на него рискованно.

– Россиянин, – усмехнулся седеющий. – Почему нельзя просто послать туда людей?

– Мы пробовали, – человечек с противным звуком поскреб ногтем по столешнице. – Две группы. Первая бесследно пропала где-то в заповеднике, из второй уцелел один человек. Поломаные кости, повреждены внутренние органы, пробитое сучьями легкое – по его словам, на него упала сухая елка. Дополз до Карловки, отвезли в больницу. Прооперировали. Когда отошел от наркоза, то напал на приставленного для охраны милиционера, задушил. Вырвал ему и себе ногти.

– Какой ужас! А зачем?

– Сложил из них какую-то надпись. Вроде даты: 21.9.

– К-хм... К-хм, – звучно прочистил горло. – Однако... Какая херабора получается...

– Простите?

– Да нет, ничего, продолжайте.

– Иглой от капельницы распорол ему живот и повесился на вытащенных кишках.

– Какая гадость, – поморщился Борис Николаевич. – Ты так, понимаешь, мне весь аппетит отобьешь, а мне еще с документами работать.

– Виноват!

– Еще и это, – Борис Николаевич вытащил из бумаг фотографию.

На ней был скелет, прикрученный к раздвоенному дереву ржавой колючей проволокой. К груди была приколочена табличка с полустершейся угловатой надписью: «Только сунься снова!»

– Единственный не засвеченный кадр на фотопленке. Разбитый фотоаппарат нашла поисковая группа.

– Это немец?

¹ Виктор Фёдорович Грушко (10 июля, 1930, Таганрог – 20 ноября, 2001, Москва) – советский разведчик, генерал-полковник (13.04.1991), первый заместитель председателя КГБ СССР (29 января – 28 августа 1991). https://ru.wikipedia.org/wiki/Грушко,_Виктор_Фёдорович

– Судя по каске, поясному ремню и футляру для противогаза это однозначно солдат вермахта.

– Однако... – почесал левую бровь. – И что ты предлагаешь?

– Взять этого ГБ-шника, Кравцова, который Самарский. Он сейчас под следствием в «Матросской тишине». Бывший внутренний спецкорпус КГБ – «девятка».

– Сурово, – усмехнулся грузный.

– Он на пару с этим местным кучу трупов навалил, а показания давать отказался. Мол, буду разговаривать только с Грушко. А тут как раз путч, то, се...

– Понятно. Кремень, а не россиянин. Точно говоришь. Дальше, – мужчина задумчиво почесал щеку, и стало видно, что на руке не хватало двух пальцев и фаланги третьего.

– Дальше этого Виталика из психушки достать.

– Парень – псих?

– После рассказов о говорящих мертвецах, пропавшем ТТ и ноже из сна, куда еще его могли отправить?

– Мертвец, ишь ты!

– Пистолет, который по его словам забрал мертвец, так и не нашли, – осторожно сказал невзрачный.

– Что ты говоришь? Бывает же такое, понимаешь. Может он за ночь его в лесу зарыл?

– Может и зарыл...

– А если там нет ничего? – подошел к окну и начал смотреть на прохожих

– Есть. Что-то там есть, – убежденно сказал собеседник. – Нутром чую, есть! И поляки там не просто так околачивались. И путч не просто так начался после того, как они туда сунулись.

– Хорошо, – высокий мужчина отошел от окна. – Давай по-твоему сделаем. Как думаешь дело повернуть?

– Есть идея одна. Мента того, участкового, после всей этой заварухи за профнепригодность турнули из органов. Он в бизнес подался. Брат его серьезным людям задолжал. Я ему идею подкину, как можно проблемы порешать.

– Только не сам!

– Упаси господи, Борис Николаевич. Через столько рук проведу, что ни одна гнида не вычислит.

– Ну, добре. Кликни кого, чтобы водки принесли что ли, осадок смыть.

– Будет сделано, – человек юркой крысой скользнул к двери. – В лучшем виде оформим, – обернулся на пороге, став похожим на оскаленный череп.

Дверь закрылась.

I

Тесная одиночная камера, два на три метра. Узкие нары, откиннутые к стене, как в камере. Умывальник, параша. Тусклый свет из маленького, забранного в решетку микроскопических размеров, окошечка под самым потолком. Такая же тусклая лампочка в защитном плафоне, отдающая оттенком в красноватый, рождающий ассоциации с костром каннибалов и адским пламенем. Стены, до половины выкрашенные багрово-красным, а сверху – белесым, похожим на жидкий гной. От пола монотонно, словно механизм, отжимается худощавый молодой мужчина. Лязг двери вырвал из липкой тишины, паклей забившей уши. Со скрипом приоткрывается пасть «кормушки» в стальной двери.

– Заключенный, встать! – привычно скомандовал размазано-вязкий голос. – К двери!

Мужчина не спеша поднялся.

– Руки в форточку! – повернувшись спиной к двери, протянул руки в окошечко.

На руках холодно защелкнулись браслеты.

– Отойти от двери! Стать к стене! – заключенный отошел к стене напротив двери.

Дверь открылась, за ней стоял дебелий прапорщик.

– На выход!

– На допрос?

– Не разговаривать! На выход!

Хмыкнув, мужчина вышел в обшарпанный коридор. Исшарканный тысячами ног пол, решетки, «лицом к стене», открываемые с двух сторон замки, решетки...

– Направо, в угол. Лицом к стене, – и снова: – Стоять, лицом к стене, – открыл последнюю решетку. – Проходим.

Прапор сдал заключенного юному младшему лейтенанту и краснолицему усатому капитану.

– Распишитесь, – лейтенант протянул полиэтиленовый пакет с Пугачевой.

– Что это?

– Ваши вещи: часы, документы, бумажник, ремень и шнурки.

– И пистолет? – усмехнулся заключенный.

– Пистолета не было, – пожал узкими плечами лейтенант и с тоской посмотрел на старшего товарища. – Расписывайтесь.

Мужчина распахнул пакет, бегло просмотрел вещи, достал паспорт, красное удостоверение, открыл.

– Даже удостоверение отдаете?

– А что с него толку? – подмигнул капитан, растянув усы в улыбке. – Вашей конторы больше нет, это никому не страшная бумажка. Забирайте и ступайте.

– И куда мне теперь?

– А куда хотите, Андрей Иванович, – капитан все так же улыбался. – Дело закрыто, вы теперь человек свободный... Пока...

– Что значит пока? – серые глаза вцепились в капитана.

– То и значит, что документов нет, денег нет, скоро опять за решеткой окажетесь, только не у нас в одиночке, а на общей зоне. Там таких, «бывших», не любят.

– А таких как вы любят? – Андрей Иванович приблизился к усачу. – Да?

– Ты это... того... – капитан подался назад, упершись фуражкой в стену, – а то, не ровен час....

Дверь за спиной Андрея Ивановича словно по команде открылась и в комнату вошли двое бойцов в бронжилетах и стальных зеленых касках, с АКСУ в руках.

– Seriously вы подготовились, – Андрей Иванович расписался, подхватив пакет, прошел мимо автоматчиков.

– На свободу с чистой совестью, – донеслось сзади.

Капитан кивнул, автоматчики двинулись за бывшим заключенным. Сопровождаемый молчаливыми конвоирами дошел до проходной. Старший сержант – калмык, открыл решетку.

– Не попадайте больше.

– Спасибо, постараюсь, – вышел на волю.

Втянул «воздух свободы», закашлялся от выхлопных газов. Оглянулся, раздумывая, куда идти. Решил пойти налево. Особой разницы все равно не было. Добраться до остановки общественного транспорта, оттуда домой, благо ключи от служебной квартиры вернули. Отлежаться пару деньков, а потом пойти на службу, разобраться, что происходит. Это время прошло практически в полной изоляции, не считая визитов каких-то мутных типов, выдававших себя за следователей и такого же фальшивого адвоката.

Раздался сигнал клаксона. Следователь повернул голову и посмотрел на вишневый ВАЗ-2109 с номером о 248 вн мо. Взгляд его зацепился за необычайно длинное переднее крыло. Андрей Иванович таких «девяток» еще не встречал. Пожав плечами, он хотел продолжить путь, но машина мигнула фарами. Приоткрылось стекло в водительской двери.

– Андрей Иванович, – вылезая, прокричал водитель.

Следователь посмотрел на смутно знакомого загорелого крепкого парня в странной одежде, напоминающей стилинг.

– Владимир Семенович? – не веря, спросил он.

– Конечно! – водитель кинулся к нему и обнял. – Это я, а это вы!

– Что вы делаете в Москве? – теперь следователь признал его. Это был участковый, одетый в кроссовки, джинсы и яркую куртку. Да и прическа была явно не уставной.

– Я теперь тут как-бы живу.

– В Москве?

– Ну, не в самой столице нашей Родины, городе-герое Москве, а в ближнем Подмосковье.

Садитесь, по пути все объясню.

– По пути куда?

– Вам же куда-то надо?

– Я на трамвае доеду.

– Не доедете, у вас денег нет.

– Есть, – следователь достал бумажник, распахнул, – на трамвай вполне хватит.

– Отстали вы от жизни, сейчас деньги другие и страна другая. Садитесь, я все расскажу.

Андрей Иванович позволил усадить себя в машину. Сзади сидел какой-то высокий и худой парень.

– Это мой брат, Игорь, – представил Владимир Семенович, – а это Андрей Иванович, следователь, – завел машину и влился в поток транспорта. – Куда ехать?

– Поехали домой, – следователь назвал адрес. – Так что тут произошло, рассказывайте.

– До вас вести совсем не доходили?

– Нет.

– Союз развалился, теперь тут СНГ, Содружество Независимых Государств.

– Сбылись Надежды Гитлера, – подал голос Игорь.

– Меня после вашего вояжа из милиции выгнали – неполное служебное. Перебрался сюда, к тестю. Теперь с Игорем тут крутимся понемногу.

– Убийцу нашли? – Андрей Иванович смотрел в окно, отмечая, как изменился город.

– Какого? Вы полдеревни в капусту покروшили.

– Того, который Андрея убил.

– Нет.

– Вас за что выгнали? – нахмурился Андрей Иванович.
– За это самое и выгнали, что не предотвратил устроенное вами побоище. Следствие спустило на тормозах, тогда еще и переворот случился, всем не до Карловки стало. Тем более что убийства прекратились.

– Понятно. С Виталием что?

– В психушке он, лечат.

– Как узнали, когда меня выпустят?

– Подказали люди, – замялся бывший участковый.

– Какие? – следователь повернулся и впился глазами в собеседника.

– Да я толком сам не знаю, позвонили, сказали встретить...

– А с Союзом что случилось?

– Тут такое дело... – рассказ занял всю дорогу до дома.

– Приехали, – сказал следователь, – пойдете, чаем напою.

– Мы, наверное, лучше пока тут подождем, – замялся экс-милиционер.

– Чего подождете? – удивился Андрей Иванович.

– Просто подождем, пока вы освоитесь.

– Воля ваша, – следователь вышел, зашел в подъезд, по лестнице поднялся на свой этаж. Квартира встретила чужой железной дверью.

– Интересное кино, – пробормотал мужчина и нажал кнопку звонка, тоже чужого.

– Кто там? – спросил женский голос из-за двери.

– Извините, это моя квартира...

Дверь приоткрылась на длину цепочки.

– Уходите, гражданин, пока я милицию не вызвала!

– Простите, но я тут живу! Смотрите, – достал паспорт, открыл страницу с пропиской. –

Убедились?

– Ничего не знаю, мы с мужем тут второй год живем. Уходите!

– Я хотел бы встретиться с мужем.

– Я вас предупреждала, – дверь закрылась и, не смотря на звонки, не открывалась до самого приезда милиции.

Из лифта вышли два сержанта и старлей.

– Здравствуйте, – небрежно козырнул лейтенант, – лейтенант Синицын. Хулиганим, гражданин?

– Домой пытаюсь попасть, товарищ лейтенант.

Дверь открылась.

– Товарищ милиционер, мы тут с мужем с прошлого года живем, а этого бича я вижу первый раз! – на пороге стояла крашеная в блондинку молодая женщина. – Вот паспорт, вот ордер, – лейтенант посмотрел документы.

– Что скажете, гражданин?

– Я тут проживаю, – Андрей Иванович протянул паспорт.

– Вкладыш где?

– Какой вкладыш?

– Вкладыш гражданина России. Так, прописка... а у вас, гражданка? – сравнил даты. – Вы где пропадали Андрей Иванович?

– В СИЗО...

– Вот как? – недобро усмехнувшись, лейтенант подобрался, сержанты направили стволы АКСУ на Андрея Ивановича. – Справка об освобождении имеется?

– Я не сидел, я под следствием был...

– Давайте спустимся к машине и во всем разберемся, – лейтенант сунул паспорт в нагрудный карман.

– Лейтенант, паспорт верните, – попросил Андрей Иванович, темнея глазами. – Не имеете права изымать.

– Грамотный гусь, – хмыкнул один из сержантов, – видать не зря на шконке чалился.

– В СИЗО просто так не закрывают, – подтвердил второй.

– Сам пойдешь, – рука лейтенанта нырнула к кобуре, – или будешь сопротивляться сотрудникам милиции?

– Сам, – следователь достал из кармана и раскрыл удостоверение, – отдайте паспорт, лейтенант, имейте уважение к старшему по званию.

Лейтенант сначала автоматически кинул руку к фуражке, заново отдавая приветствие, и лишь потом прочел.

– Извините, товарищ майор, но ваша ксива ныне бесполезна, – подумав, вернул паспорт. – И я все же прошу спуститься с нами. Запросим насчет вас, вдруг вы из СИЗО сорвались.

– Пойдемте, – сдался Андрей Иванович. – А что с квартирой?

– Это вопрос не ко мне, – лейтенант сдвинул фуражку и почесал подбритый затылок. – Она тут с прошлого года прописана, ордер в порядке, все верно. Разбирайтесь в ЖЭКе.

Вернувшись в квартиру, женщина набрала номер на стоящем в прихожей телефоне. Дождалась, пока длинные гудки в трубке сменятся тишиной:

– Он был тут, – сказала она.

– И?

– По плану: ломился, вызвала патруль.

– И?

– Судя по всему, дальше поедет по бывшему месту работы.

– Хорошо, ждите дальнейших указаний, – трубка запиликала гудками отбоя.

После проверки милиционерами, Андрей Иванович вернулся к машине, сел, задумчиво посмотрел на Владимира.

– Вы знали, что так будет? – наконец спросил он.

– Предполагал, не буду скрывать. Что дальше?

– Я вообще-то без крыши над головой остался... – глядя на уезжающий милицейский УАЗ-ик сказал он.

– Не расстраивайтесь, переночуете у нас, а там видно будет.

– Сегодня какой день недели?

– Вторник, а что?

– А то, милейший, что коли взялись меня возить, то поехали на Лубянку.

– Вы уверены, может не надо?..

– Уверен, поехали.

– ... а еще «черный вторник»² тут без вас случился, – речь Владимира Семеновича журчала ручейком, обволакивая и усыпляя, – доллар так и скаканул.

– Не понял, – встрепенулся следователь, – а памятник Дзержинскому где?

– В девяносто первом сняли его, говорят, – Владимир пожал плечами, – в каком-то парке поставили.

– М-да, дела тут у вас творятся, – Андрей Иванович задумчиво почесал левую щеку, – вижу, все будет не так просто, как мне казалось. Ладно, пошел я, – вылез, обернулся. – Подождете?

– Так точно.

Поднялся по знакомым ступеням.

² 22 сентября 1992-го

- Вы к кому, гражданин, – строго спросил лейтенант на входе.
- Я майор Кравцов, – Андрей Иванович развернул удостоверение, – хотел бы встретиться с Грушко³.
- А больше ни с кем не желаете? – ехидно улыбнулся «цербер». – Где-то вы пропадали, товарищ майор, – нехорошо покосился на удостоверение, – в отпуске?
- В СИЗО. Доложите Виктору Федоровичу, что я здесь! – в голосе следователя прорезался металл.
- Хорошо, доложу, – улыбку лейтенанта будто ластиком стерло. – Подождите, – начал вращать диск телефона, потом долго что-то говорил в трубку.
- Минут через десять к Андрею Ивановичу подошел невзрачный человек в штатском.
- Полковник Николаев, Министерство безопасности Российской Федерации⁴, – махнул удостоверением. – Вы хотели встретиться с Грушко? По какому поводу?
- Так точно, – Андрей Иванович протянул удостоверение. – Работал по личному указанию Виктора Федоровича над делом, хочу доложить о выполнении.
- Можете доложить мне.
- Никак нет, докладывать по этому делу, согласно указанию Грушко, я могу только Грушко.
- Где вы пропадали столько времени?
- В СИЗО...
- Что случилось?
- Этого я вам тоже сказать не могу...
- Ожидаемо, – Николаев покрутил шейю, будто его душил воротник сорочки, – а вас не удивляет мое удостоверение?
- После сноса памятника Феликсу Эдмундовичу, нет.
- Пойдемте, подышим свежим воздухом, – полковник подхватил следователя под локоть, вывел на улицу.
- Виктор Федорович сейчас дома... после «Матросской тишины»⁵... – многозначительно добавил он.
- Андрей Иванович молчал.
- Все еще не можете мне ничего сказать?
- Извините, но я выполнял личное поручение Грушко и отчитываться имею право только лично ему.
- А если я устрою встречу с главой министерства, Баранниковым⁶?
- Это который? Министр внутренних дел?
- Да, тот самый, только теперь он наш начальник.
- Я уже все сказал.
- Печально, – полковник пожал плечами. – Я могу для вас еще что-то сделать?
- В моей служебной квартире живут какие-то люди...
- Так как «комитета» больше нет, то естественно, что квартира досталась кому-то другому. Тем более, вы в СИЗО пропадали. Еще вопросы?
- Мне негде и не на что жить...

³ Виктор Фёдорович Грушко (10.07.1930 – 20.11.2001) – советский разведчик, генерал-полковник (13.04.1991), первый заместитель председателя КГБ СССР В. А. Крючкова (29 января – 28 августа 1991).

⁴ Министерство безопасности Российской Федерации – центральный орган исполнительной власти России, в ведении которого в период с января 1992 по декабрь 1993 г. находились вопросы обеспечения государственной безопасности. https://ru.wikipedia.org/wiki/Министерство_безопасности_Российской_Федерации

⁵ Грушко после августа 1991 года, как первый заместитель В. Крючкова, члена ГКЧП, был снят с должности, заключён в тюрьму «Матросская тишина», 10 января 1992 года освобождён по состоянию здоровья.

⁶ Баранников, Виктор Павлович https://ru.wikipedia.org/wiki/Баранников,_Виктор_Павлович

– Сами понимаете, восстановление по службе, если, – он останавливающе поднял ладонь, – оно вообще возможно, дело не простое и не быстрое. В любом случае, вам необходимо подать рапорт на имя первого заместителя, Голушко Николая Михайловича, об обстоятельствах вашего отсутствия на службе.

– Понятно, – Андрей Иванович развернулся, собираясь уходить.

– И удостоверение лучше бы сдать, – Николаев протянул ладонь, – от греха подальше.

– Не вы мне его выдавали, не вам и забирать, – отрезал Андрей Иванович.

– Табельный «ствол» ваш где?

– Был изъят начальником Дроновского РОВД полковником Бугайским.

– Понятно, я уточню. Ну что же, если вы все еще не передумали, то не смею больше вас задерживать. Возьмите на всякий случай, – протянул белый бумажный прямоугольник. – Звоните, если передумаете.

– Честь имею, – Андрей Иванович щелкнул каблуками ботинок, выданных когда-то давно, будто в другой жизни, ворчливой карловской кладовщицей, и пошел к «девятке». Полковник задумчиво смотрел ему вслед.

– Значит так, орлы, – следователь сел в машину, – сначала вы везете меня в парикмахерскую, а потом мы начинаем думать, что делать дальше.

II

– А что, доктор, мне должны мерещиться мертвецы с отрезанными руками и ногами, с ободранной кожей, сеткой синих вен?

– Так-так-так, продолжайте, голубчик.

– Мне не мерещатся, – отрезал Виталий.

– То есть, вы хотите сказать, что вы здоровы? – Олег Александрович с хитрецей посмотрел на пациента.

– Ничего я не хочу сказать. Вы специалист, вам должно быть понятно, кто здоров, а кто нет.

– А вот этот, – Олег Александрович посмотрел в историю болезни, – Феогнид Карлович, который к вам приходил после смерти, он вас больше не беспокоит? – явно с подвохом спросил, сволоочь вежливая.

– Он ко мне и не приходил.

– Позвольте, а вот тут написано, – Олег Александрович потряс картонной папкой, – с ваших слов, между прочим, записано.

– Это я специально придумал, – Виталий улыбнулся как можно искреннее, тщательно душа в себе желание вбить этой вежливой сволоочи очки в глотку.

– Но позвольте, – вытаращился Олег Александрович, – зачем?

– Чтобы в тюрьму не посадили. Мне следователь так посоветовал, – зевнул Виталий.

– Тот самый, с которым вы убивали?

– Мы защищались, доктор, защищались.

– Целую уйму народа уложили... Не жалко?

– Зато я живой, а они нет. А могло быть и наоборот. Своя рубаха ближе к телу.

– Вы, батенька, прямо как маньяк рассуждаете. Как Чикатило. Слыхали про такого?

Парень промолчал.

– Так говорите, здоровы? – снова завел свое доктор.

– А что, я похож на психа?

– По каким признакам, по-вашему, можно отличить психа? – живо ухватился Олег Александрович.

– Я откуда знаю? – Виталий пожал плечами.

– Вы находитесь в психиатрической лечебнице и не можете отличить психа? – удивился Олег Александрович.

– Тут половина нормальных. «Косят»: кто от армии, кто от тюрьмы.

– Кто именно косит?

– Я не стукач, сами разбирайтесь, – Виталий демонстративно отвернулся и стал смотреть в окно. – Липы какие вымахали – красота. Почти как у нас в Карловке, на аллее.

– Значит, мертвые не тревожат? – снова начал Олег Александрович.

– Мертвым повредить нельзя, а вот живым помочь можно...

– Достаточно, – молчавший все время мужчина с лысой, как поверхность Луны, головой посмотрел на главрача.

– На сегодня достаточно, – Олег Александрович нажал кнопку, смонтированную под столешницей.

Дверь открылась, вошли два дюжих санитара.

– Уведите пациента, – кивнул на Виталия Олег Александрович.

Парня увели.

– Что скажете, Николай Васильевич? – повернулся к лысому.

– Контактный, коммуникабельный... – пожевал губами, – ... внешне, если исключить контекст, вполне нормален. А учитывая обстоятельства, приведшие его сюда...

– Замечательно, – Олег Александрович просиял и похлопал в ладоши, – просто замечательно!

– Что такое? – насторожился Николай Васильевич.

– Ничего, за исключением того, что соседа, про которого он нам рассказывал, в палате нет...

– Нет?..

– Совершенно верно: нет! Полностью вымышленный персонаж, даже более того, – встал, открыл сейф, достал бутылку коньяка «Белый аист» и пару стаканчиков, разлил коньяк. – И на закуску, – достал магнитофонную катушку, поставил на стоящий на столе магнитофон, включил, посмотрел на коллегу. – Слушайте.

Однажды летом поехал я в школу, проходить практику. Работали на прополке школьных овощей. Внезапно пошел дождь, и наши класс отпустили по домам. Не изверги же учителя, чтобы под дождем заставляли полоть. В классе почти все были местные, они радостные побежали домой, а мне до деревни двенадцать километров, поэтому потопал я уныло под дождем на поворот – ждать попутки. Стою со своей тлякой, как тополь на Плющихе, и тут с трассы сворачивает незнакомый грузовик. Я обрадовался, тогда как раз дорогу асфальтовую к нам в деревню строили, и грузовики довольно часто сновали туда-сюда. До нашей деревни доезжали за песком на карьере, а асфальт откуда-то из района привозили, даже не знаю откуда. Я вскинул руку. Грузовик остановился. Я открыл дверь и залез на подножку со стороны пассажирского сидения.

– Здравствуйте. До Горловинки подвезете?

– Нет, я туда не еду, – ответил водитель. – На полдороги сворачиваю. Поедешь?

Я прикинул, что ждать под дождем до обеда, пока придет деревенский автобус за школьниками, никакого смысла нет, а если хотя бы полпути проеду, то уже неплохо будет. Там, глядишь, и дождь поутихнет, дойду до дома не спеша.

– Поеду, – я забрался в кабину, поставил возле левой ноги тляку, и закрыл дверь.

Машина тронулась с места.

– А ты чего тут спотыкаешься? – поинтересовался шофер.

– Тут понимаете, какое дело, – вспомнив заветы матери, что с незнакомыми людьми надо держаться вежливо, но ничего им толком не рассказывать, чтобы не сглазили, начал я, – я в школе учусь.

– Это понятно. Но сейчас же лето. На «второй год» остался?

– Нет, просто у нас практика, а классная руководительница сломала ногу, и нас отпустили.

– Ногу сломала?

– Да, мы положили у нее на огороде картошку, она поскользнулась и хрясь!!! Нога в трех местах поломана!!! Кости торчат!!! Кровища хлещет!!!

– Какой ужас. А как тебя зовут?

– Миша, – недолго думая соврал я. Имена незнакомым людям говорить мать тоже запрещала. – Мы переселенцы, из Москвы приехали в Горловинку жить.

– А в Москве чего вам не жилось?

– Отца посадили. Он соседа убил молотком, и мы уехали.

– Да что ты говоришь! – он искоса посмотрел на меня. – А за что?

– Да поспорили, кто самый лучший клоун СССР: Олег Попов или Юрий Никулин.

– Охренеть просто!

– Вот и живем у дедушки теперь. Он командиром партизанского отряда был, до сих пор немцев не любит.

Тем временем машина доехала до развилки: направо была дорога на Жуковку, а налево на Горловинку. Водитель повернул в сторону Горловинки и машина покатила с горки.

«Интересно, а где он там сворачивать собирается?» – подумал я, продолжая безудержно врать.

– У нас недавно немцы приехали, переселенцы с Поволжья, так он их дом поджег!

– Страшная у вас какая жизнь, – он переключил передачу. – И как тебя мать не боится одного отпустить?

– А чего бояться то? – на миг ослабив бдительность, наивно спросил я.

– Мало ли... – он вновь задумчиво покосился на меня.

Я насторожился и замолчал. Машина проехала еще километра четыре, и шофер остановился.

– Мне направо тут, – повернулся ко мне.

Не знаю, то ли пошутить он решил, слушая мое вранье, то ли и правда это маньяк какой-то был, но он внезапно подался ко мне, вскинул руки и заорал:

– У-у-у-у-у!

Скажу честно, напугал он меня очень сильно. Недолго думая, я изо всех сил ткнул торцом рукоятки тяпки ему в глаз и рванул дверь. Сзади раздался крик боли. Не оглядываясь, я вывалился из кабины, напоследок махнув назад острием крепко зажатой в левой руке тяпки. Судя по ощущениям, попал во что-то мягкое. Обратным движением откинутая тяпка угодила в лобовое стекло, которое хрустнуло и покрылось паутиной трещин. Я свалился на обочину, ободравшись об гравий, оттуда в глубокий, заросший кустами кювет и со всех ног кинулся бежать.

Километра три так бежал вдоль дороги сломя голову, но тяпку умудрился не потерять. Когда выдохся, то упал в кустах и долго лежал, сквозь хриплое дыхание пытаюсь услышать шум погони. Отдышавшись, осторожно выбрался на дорогу и пошел домой, вздрагивая при каждом шуме. Пару раз прятался в кювете, заслышав звук едущих машин, но это оказались другие машины. Дома мне попало за порванную рубашку и ободранный бок, но про напавшего шофера я родителям не рассказал, опасаясь, что мне сильно попадет. Машину эту я больше на дороге не встречал... Но на всякий случай кроме тяпки брал с собой на практику нож.

– Интересное у тебя детство было. У меня тоже похожий случай был.

– Расскажи.

– Слушай...

– Он разговаривает сам с собой? На два голоса?

– Как видите, точнее, как слышите. Расщепление личности, как оно есть.

– Диссоциативное расстройство⁷, кто бы мог подумать? Второй голос не похож.

– Разговор записан тогда, когда пациент был в одиночке.

– Видеокамеры там нет?

– Камеры, к сожалению, нет, только микрофон и магнитофон.

⁷ Диссоциативное расстройство идентичности (также используется диагноз расстройство множественной личности, непрофессионалами называется раздвоением личности) – очень редкое психическое расстройство из группы диссоциативных расстройств, при котором личность человека разделяется, и складывается впечатление, что в теле одного человека существует несколько разных личностей (или, в другой терминологии, эго-состояний). При этом в определённые моменты в человеке происходит «переключение», и одна личность сменяет другую. Эти «личности» могут иметь разный пол, возраст, национальность, темперамент, умственные способности, мировоззрение, по-разному реагировать на одни и те же ситуации. После «переключения» активная в данный момент личность не может вспомнить, что происходило, пока была активна другая личность. https://ru.wikipedia.org/wiki/Диссоциативное_расстройство_идентичности

– Знаете, Олег Александрович, я бы на вашем месте поставил камеру, – вытянул перед собой руки, хрустнув переплетенными пальцами. – Хотя, по нему уже не стоит, но на перспективу пригодится.

– За какие средства, Николай Васильевич? – Олег Александрович состроил постную мину и снова наполнил стаканчики.

– Вот об этом я и хотел поговорить, – Николай Васильевич поставил на стол дорогой кожаный дипломат и, щелкнув замочками, открыл. Подняв крышку, повернул дипломат к Олегу Александровичу. – Здесь хватит и на камеру; и на дачу, которую вы все не можете достроить; и на вашу молоденькую любовницу...

– За что? – Олег Александрович был не в силах оторвать взгляд от содержимого кейса.

– За этого пациента... Надо его отпустить...

– А если он опять кого-нибудь прикончит? Кто будет отвечать?

– Он вполне смирный...

– Только с виду. Поначалу, когда ему случалось остаться в палате одному, он с остервенением оплевывал и пачкал стены.

– Олег Александрович, тут очень хорошие деньги... Организуем побег...

– Кто будет отвечать?

– Побег организуем через санитаря, есть одно чмо на примете.

– Все равно, за слабый контроль огребу по полной.

– Вам привезут похожий труп с острой сердечной. В отчете патологоанатома все будет чисто. Спишете как умершего и забудете.

– Если его поймут? Пальцы то есть в базе.

– Не поймут. Об этом будет кому позаботиться.

– Ваши гебэшные игры? – Олег Александрович достал из стола целлофановый пакет с ковбоем Мальборо и начал перекладывать деньги из кейса.

– Вот это, любезный Олег Александрович, – Николай Васильевич сверкнул золотым зубом, – вас не касается.

– Хорошо, – спрятал пакет в сейф, запер его. – Я согласен. Когда?

– В ближайшее время.

– Что делать мне?

– Ничего. Просто ничего не делать и забыть про этого пациента.

– Понял, – разлил по стаканам остатки коньяка. – За успех нашего предприятия.

III

– Вы не понимаете, как я рискую, – худой парень в застиранном халате просительно заглядывал в глаза. – Меня же уволят, или даже посадить... могут...

– Не бойтесь, – Андрей Иванович кашлянул в кулак, – за решеткой тоже люди живут.

– Короче, Склифасовский, – Володя приобнял санитару за плечи, – мы даем сотку баксов, а ты нам этого дурика. Идет?

– Вы думаете, что легко пациента забрать? – возмущенно пискнул санитар. – Там куча бумажек на него...

– Еще сотка, – перебил Володя. – Соглашайся, Петя, ченч выгодный. Иначе, – демонстративно зевнул, – мы к твоему главврачу подкатимся, а ты так и будешь шелкать клювом.

– Доллары лучше, чем нож в печень, – негромко сказал Андрей Иванович.

Петя вздрогнул и покрутил цыплячьей шеей, будто воротник халата стал вдруг тесен.

– Время беспокойное, – сочувственно добавил следователь, – всякое случается. Я как из СИЗО вышел, – оглянулся, – так все хожу и вздрагиваю. За решеткой спокойнее было...

Санитар снова вздрогнул и невольно оглянулся на дверь черного хода.

– Ну, ты не пугайся, – бывший участковый покровительственно похлопал Петю по скрытому халатом плечу. – Мы тебя нэ больно зарэжэм.

– Да ты не бойсь, паренек, – Андрей Иванович веско похлопал по второму плечу, – сейчас такой бардак в стране, что всем не до одного психа будет.

– Сейчас на воле психов больше, – кивнул Володя и подмигнул Пете. – Скоро вообще психов из дурдомов выпустят: свобода, равенство, братство. Гуляй рванина – жри опилки. А так ты денежку заработаешь на новые ботинки.

– Хорошо, – дрогнул голосом «белый халат», – я его приведу. Но деньги вперед, – просяще смотрел на следователя, угадав в нем главного.

– Утром стулья – в обед деньги, – тяжело усмехнулся Андрей Иванович, – или вечером – деньги, а на другой день утром – стулья.

– Не волнуйся, Гиппократ, – вступил Володька, – не обманем. Веди нашего человека и все будет хорошо.

– Хорошо, я сейчас, – вывернулся из лап бывшего участкового и неверными шагами пошел к двери.

Открыл, оглянулся на пороге, скрылся внутри.

– Володя, ты ему доверяешь? – Андрей Иванович отвернулся от унылого здания, осматривая убогие окрестности.

– Брата моего двоюродного одноклассник, – нехотя объяснил Володя. – Знает, что в случае чего мы его достанем.

– Тяжелые тут у вас времена наступили.

– Вы про что?

– Форменная работорговля: всего за двести долларов можно человека купить. Торговцу «черным деревом» Себастьяну Перейро такое и не снилось.

– Хорошая книжка, – кивнул бывший участковый, – мне в детстве нравилась. И кино тоже.

Дверь открылась, Паша, воровато озираясь, вывел одетого в пижаму и тапочки бледного парня с застывшим лицом.

– Привет, Виталий, – Володя шагнул навстречу и протянул руку.

Виталий проигнорировал руку, все так же невидяще глядя вперед.

– Чего это с ним? – Володя поводит перед лицом Виталия ладонью. – Ослеп что ли?

– Я откуда знаю? – Паша пожал узкими плечами. – Я не доктор. Видать обкололи чем-то.

- Он кони не двинет без химии?
- Не должен, – взгляд Паши заметался. – Давайте деньги и я пойду.
- Сейчас, – Володя достал из внутреннего кармана куртки серо-зеленые купюры. – История болезни где?
- Я до истории болезни не доберусь, – залебезил Паша, – не могу я!
- Человека из дурки легче вывести, чем бумажку вынести? – удивился Володя.
- Мне человека легче, – Паша испуганно тряс головой. – Отдайте деньги, мне пора. Меня могут хватиться...
- Отдай ему деньги, – Андрей Иванович сплюнул в грязь. – Пускай проваливает.
- Вырвав купюры из руки Володи, Паша юркнул в дверь и захлопнул ее за собой.
- Он же как робот, – Володя с сомнением смотрел на парня, – ничего не понимает. И прикид этот... нас же первый же гаишник задержит.
- Одежду придется купить. Поедем на ближайший рынок. Деньги у тебя остались?
- Есть чуток, – Володя скривился и, взяв парня за локоть, повел к дыре в заборе, через которую они попали на территорию, – но я тоже не Скрудж.
- Ты Диккенса читал? – удивился следователь.
- Какого еще Диккенса?
- У него в повести «Рождественская песнь» скупого героя-богача зовут Эбенезер Скрудж.
- Не знаю насчет Эбе, тьфу, не выговоришь, а я про Скруджа Магдака, что утка в мультфильме. Американском⁸.
- Да, многое поменялось, – Андрей Иванович задумчиво почесал щеку.
- Перед «девяткой» в ряд стояло четверо крепких парней. Спортивные костюмы, джинсы и кожаные куртки, короткие стрижки. Высокий блондин небрежно поигрывал нунчаками. Мужчины остановились. Виталий все так же механически шел вперед и замер лишь едва не оперевшись в плечи парней.
- Нехорошо, – рыжий парень со сломанным носом улыбнулся, блеснув железной фиксой.
- В чем дело? – мягко спросил следователь.
- На чужой территории шустрим: больных воруем, медицину обижаем. Нехорошо.
- Вы кто такие, молодые люди? – спросил Андрей Иванович.
- Мы это, как их, блюстители порядка, – ответил фиксатый. Остальные довольно загоготали, будто гуси, впервые выпущенные из хлева, где братались со свиньей, на нежную весеннюю травку, – следим за порядком тут, на районе, короче.
- Мы порядок не нарушаем, – сказал Володя.
- Это нам решать, мы тут основные.
- Ты кто вообще такой?
- Я? – парень оглянулся на товарищей. – Я то? – ткнул себя в грудь большим пальцем. – Я Андрюха Лукьян. Меня тут каждая собака знает. Упырь мое погоняло. Слышали?
- С собаками и общайтесь, молодой человек, – холодно сказал Андрей Иванович, – они для вас вполне достойные собеседники. А мы спешим, извините.
- Дядя шутник, хи-хи-хи, – Лукьян затрясся в мелком смехе.
- Парни снова довольно загоготали.
- Ты чего, Лукьян? – Володя начал терять терпение. – Попутался? Хочешь что-то предъявить?
- Короче так, – Лукьян кивнул, – вы человечка обидели хорошего. С вас штука баксов за обиду.
- Сколько?! – вырвалось у Володи.

⁸ «Утиные истории» – американский телевизионный мультсериал, созданный «The Walt Disney Company». https://ru.wikipedia.org/wiki/Утиные_истории

– Штука, – Лукьян стал серьезен, – баксов.

– У нас нет столько...

– Нет? – Лукьян вновь оглядел свою дружину. Дружина подобралась: стоящие по краям достали ножи-выкидухи, блондин резче крутанул нунчаки. Лукьян торжественно вытащил засунутый сзади за ремень потертый ПМ. – Если нет у.е., решим по-другому. Тачило ваше?

– Допустим... – сказал следователь.

– Тогда мы его забираем в уплату долга. Ключи гони.

– Не пошел бы ты?! – сорвался на крик бывший участковый.

– Ключи!!! – Лукьян нервным движением навел ПМ на Володьку.

– Молодой человек, может не стоит?.. – Андрей Иванович сделал незаметный шаг вперед, поближе к бандитам. – Мы же разумные люди, мы всегда сможем договориться, – еще один мелкий шаг вперед.

– Не о чем мне с вами базарить, лохи! Ключи!!!

Забывший всеми Виталий внезапно повернул голову и ударил Лукьяна лбом в висок. Раздался сухой костяной треск. С изумленным лицом Упырь упал на колени, а затем медленно завалился вперед. Правый кулак Виталия врезался в челюсть блондину. Следователь прыгнул вперед, ловя вооруженную ножом руку в захват и ломая ее отработанным приемом. Ударом в затылок погасил истошный крик покалеченного.

– Вы чего? – единственный оставшийся на ногах «блюстителю» испуганно попятился и уперся в «девятку». – Вы это, не беспредельте тут, – выставил перед собой нож.

Рука дрожала и нож качался как маятник.

– Вас кто прислал? – Андрей Иванович шагнул вперед.

Парень посмотрел на него и пропустил от Володьки мощный удар ногой в пах. Выронив нож, согнулся со сдавленным стоном. Володька ударил ногой сбоку в голову. Парень затих на земле.

– Веселые тут у вас времена, – Андрей Иванович подобрал ПМ, выщелкнул обойму, посмотрел. Сняв с предохранителя, передернул затвор, понюхал ствол. Вставил обойму обратно, поставил на предохранитель, положил пистолет в боковой карман. – Веселые... Это что за ребяташки?

– Рэкетеры местные, скорее всего. С торгашей дань собирают, – Володька начал собирать ножи и нунчаки.

– Я догадался, что не в казаки-разбойники играют. Тут они что делают?

– Паша капнул и решил нас на бабки развести.

– Понятно, – следователь обошел Виталика и посмотрел в его пустые глаза. – А парень молодец. Значит, не такой уж овощ, как кажется. Ладно, сажай его в машину и поехали, пока к этим «блюстителю» подмога не подросла. Или, не ровен час, настоящие стражи порядка подкатят.

– Карманы проверьте, – сказал Виталий и посмотрел на следователя, – вдруг что-то интересное.

– Заговорил, – изумился Володя. – Очухался.

– Я же не немой, – Виталий зло пнул в голень блондина. – Вы собирались мне одежду покупать?

– Ну... – Володя покосился на следователя.

– Собирались, – ответил Андрей Иванович.

– Вон тот вроде по комплекции подходит, – подошел к поверженному Андреем Ивановичем, присел и перевернул тело лицом вверх. – Экономика должна быть экономной, – расстегнул молнию кожаной куртки.

– Да ты мародер, братец, – Андрей Иванович присел возле блондина и начал умело обшаривать его.

– Трофеи, – Виталий бросил куртку на капот и начал снимать с бандита кроссовки. – Не своруешь, где возьмешь? Как говорил мой дядька, – поставил снятые кроссовки рядом и расстегнул молнию на джинсах лежащего.

– Неплохо, – следователь обнаружил на голени блондина охотничий нож в ножнах и сунул его в карман. – Володя, а где твой братец?

– Не знаю, – обыскивающий еще одного лежащего Володя пожал плечами. – Может по нужде отошел?

Открылась дверца, из машины выбрался Игорь.

– Тут я. Круто вы их.

– Угу, – Виталий поднял на него взгляд. – Чего стоишь? Помоги штаны снять.

– Ты что, в его штанах будешь ходить? – удивился Игорь.

– Твои мне длинные будут, – без тени улыбки объяснил Виталий, – а его в самый раз.

Совместными усилиями сняли джинсы.

– Поносил, дай поносить другому, – нервно хохотнул Игорь.

– Слышь, – Виталий положил джинсы на крышу «девятки» и крепко взял Игоря за плечо, – меня пустой треп раздражает. Усек?

– Усек я, понял, – Игорь попытался высвободиться, но Виталик держал крепко.

– Оставь его в покое, – сказал Володька, выкладывая на капот содержимое карманов гопников, – это у него нервное.

– Лечиться надо, – Виталий оставил Игоря в покое и, содрав пижамную куртку, бросил на обнаженное тело. – Вон туда можешь сходить, – показал в сторону больницы, – там одно место вакантное, – штаны полетели за курткой, упав на нее крест-накрест.

Виталий подошел к машине и начал одеваться в трофейную одежду.

– Хорошая шутка, да? – Игорь посмотрел на товарищей.

– Угу, – Виталий одел на футболку куртку, застегнул наполовину молнию. – Вы чего так долго, Андрей Иванович?

– Меня самого только выпустили.

– Тюрьма, – Виталий кивнул каким-то своим мыслям.

– СИЗО...

– И кто вы теперь?

– Никто, – Андрей Иванович развел руками, – без работы, без документов, и дома.

– Как и я, в общем, – взял с капота найденный Володькой паспорт, открыл, прочитал вслух:

– Костромской Владислав Викторович. Похож? – показал бывшему участковому фото в паспорте.

– Ну... – Володька скептически поджал губы, сравнивая фотографию и лицо Виталика, – с натяжкой, конечно, можно сказать, что похож. Если уши подрезать и волосы перекрасить. Но если сильно не приглядываться, то вполне прокатит.

– Значит, милиция дала добро, – Виталий спрятал паспорт во внутренний карман куртки и, подхватив с капота нож, сунул в боковой карман. – Куда вы теперь?

– Мы вообще-то вместе, – улыбнулся Володька.

– Я вижу, что вы вместе, не слепой, – серьезно сказал Виталий. – Поэтому и спрашиваю, куда вы теперь. Вместе...

– Виталий, – Андрей Иванович решил попытаться направить беседу в нужное русло, – мы хотим вернуться в Карловку.

– Зачем?

– Найти убийцу Андрея.

– Это дело давнее, а там полдеревни убийц. Лучше вам держаться от них подальше.

– Убийство не должно оставаться безнаказанным.

– Вы не смогли их наказать когда были следователем КГБ, – Виталик не мигая смотрел в глаза следователя. – Что вы теперь им сделаете?

– Я могу собрать доказательства и...

– Вас пристрелят, когда вы появитесь в деревне, – Виталик отвернулся. – Просто на всякий случай или что бы отомстить за убитых.

– Это не так просто.

– У вас кроме этого пистолета оружие есть?

– Нет...

– А там полно, вы сам видели...

– Ты возвращаться не хочешь? – прямо спросил Андрей Иванович.

– Не хочу, – вновь повернулся к следователю, – но вернусь. У меня там тоже должок остался...

– Так что мешает с нами вместе? – удивился Володька. – Вместе веселее и надежнее.

– Здесь у меня тоже небольшое дельце есть. Надо завершить его.

– Мы могли бы тебе помочь. Да, Андрей Иванович?

– Что за дело? – спросил следователь.

– Был у меня сосед по палате. Надо одному человеку привет от него передать.

– Вместе передадим. Ты адрес знаешь?

– Знаю, – Виталий внезапно шагнул от машины, упал на правое колено и ударил правым кулаком в затылок поверженного Володькой. Не спеша снял с руки часы, одел на свою руку, встал, обернулся. – «Электроника», давно такие часы хотел.

Мужчины переглянулись.

– Трофеи, – плечо Игоря нервно дернулось.

– Угу, – шагнул обратно, опершись рукой о капот, прыжком перемахнул его и, открыв дверцу, сел на переднее пассажирское сидение. – Поехали, время идет.

– Он его не убил случайно? – тихо спросил Игорь.

– Хочешь проверить? – поморщился Володька, собрав с капота оставшиеся трофеи и расковыная по карманам.

– Нет, – Игорь покачал головой.

– Тогда садимся и уезжаем, – решил Андрей Иванович. – Нечего тут глаза мозолить.

– А Паша? – спросил Володька.

– Что Паша?

– Это же он на нас навел, гнида. Прочитать надо. Заодно деньги заберем, нам они нужнее.

– С Пашей по квитаемся в другой раз, – следователь сел в машину. – Пока есть дела поважнее.

Игорь уселся за руль, Володька составил компанию следователю.

– Куда ехать? – Игорь посмотрел на Виталия.

– Сейчас, – Виталий вытащил заткнутую за солнцезащитный козырек ручку и на обороте найденной в кармане квитанции написал адрес. – Туда езжай.

– Это где? – Игорь покрутил бумажку.

– Я откуда знаю? – Виталий пожал плечами. – У нас в больнице уроков географии и кружка юных краеведов не было.

Игорь оглянулся на мужчин.

– Езжай, там спросим, – принял решение следователь, – у прохожих.

«Девятка» покатила, подпрыгивая на разбитом асфальте.

После многочисленных расспросов до адреса добрались лишь во второй половине дня.

– Во двор не заезжай, – Виталий отстегнул ремень, – нечего светиться. Я сам зайду. У тебя инструмент есть в машине? – посмотрел на Игоря.

– Полная сумка в багажнике. А что?

– Возьму напрокат, если ты не против.
– Не против, но зачем? Дверь ломать будешь? – покосился на мужчин.
– Человек с инструментом не вызывает подозрения ни у кого, – Виталий открыл дверцу.
– Я с тобой пойду, – вылез из салона Андрей Иванович.
– Уверены?
– Уверен, вдвоем сподручнее.
– Смотрите, а то мало ли... – пожал плечами, – можете потом пожалеть.
– Если я не пойду, а с тобой что-нибудь случится, то пожалею наверняка.
– Я с вами, – Володька выбрался следом.
– Как хотите, – Виталий подошел к багажнику. – Игорь, открой.
– Я открою, – Володька открыл багажник. – Вот сумка, выбирай.
– Пойдет, – открыл, посмотрел внутрь, вытащил отвертку с красной рукояткой. – Неплохая отверточка, – положил в карман, – у меня такая была. Когда-то, – закрыл сумку, вынул из багажника, перекинул ремень сумки через плечо. – Все беру.

Бывший участковый закрыл багажник. Виталий открыл дверцу, протянул руку к лежащей сзади кепке с надписью «Adidas».

– Я возьму?
– Бери, – разрешил Игорь и нервно поежился.
– Спасибо, – одев кепку, Виталий низко надвинул козырек, скрывая лицо от нежелательных взглядов. – Идем.

– Какая квартира? – спросил следователь.

Виталий молча сунул ему бумажку.

– Значит, нам туда, – определил Андрей Иванович. – Тот подъезд.

Возле подъезда на покосившейся лавочке сидела одинокая старушка.

– Здравствуйте, – сказал Андрей Иванович.

Виталий и Володька кивнули.

– Здравствуйте, люди добрые. Вы к кому? – старушка блеснула синевой совсем не старческих глаз.

– Вы из какой квартиры? – вопросом на вопрос ответил следователь.

– Двадцать пятая, а что? – насторожилась бабушка.

– А зовут как?

– Мария Ивановна, а вам зачем?

– Подозрение на утечку газа.

– Ох ты ж господи, – прижала руку ко рту. – А что же делать?

– Идите домой и ждите, сидите тихо. Мы после проверки к вам заглянем, проверим.

– Ой, спасибо.

– Газ не зажигайте, – добавил Володька.

– Понимаю, понимаю, – мелко закивала Мария Ивановна и засеменила к подъезду. – И свет нельзя? – оглянулась на крыльце.

– Ни в коем разе, – Володька сделал страшные глаза, – ни свет, ни газ, ни телевизор, ни телефон.

– Искра может вызвать детонацию воздушно-газовой смеси, – солидно подтвердил Андрей Иванович. – Запритесь дома и ждите.

Дождавшись, пока старушка скрылась за обшарпанной дверью второго этажа, поднялись на четвертый.

– Тут, – Виталий кивнул на коричневую железную дверь, украшенную бронзовым номером.

– Так кто там? – шепотом спросил Андрей Иванович.

– Урод один...

– Ясно... бить будешь?

– Буду...

– Понятно. Тогда так, ты туда, – указал Володке на пролет выше, – я вниз, – снял с плеча Виталия сумку. – Ты звони. Когда откроет, тогда будем действовать по обстоятельствам.

Виталий позвонил. Потом позвонил еще раз.

– Кто там? – спросил приглушенный дверью голос.

– Здравствуйте, я Марии Ивановны внук.

– Что вам надо?

– Вы нас заливаете.

– Что ты сочиняешь, парень? – дверь открылась. На пороге стоял крепкий мужчина, одетый в шлепанцы, спортивные брюки и белую футболку с надписью СССР. – Никого я не заливаю.

– У нас в ванной вода с потолка хлещет.

– Хочешь, сам пройди и посмотри. Только тапки обуй.

– Сейчас, – Виталий шагнул в квартиру и рукояткой зажатой в кулаке отвертки апперкотом врезал по челюсти хозяина. – Обязательно одену, – добавил пошатнувшегося мужчине слева мощный крюк в челюсть. – Не волнуйтесь, – ударил ногой в голову упавшего.

Развернул руку, насаживая на отвертку метнувшуюся из комнаты тень. Овчарка жалобно взвизгнула и заскулила у ног, зализывая внутренности, вывалившиеся из распоротого брюха.

– Не стой в дверях, – Андрей Иванович отодвинул Виталия и, выхватив пистолет, бесшумно прошелся по квартире. – Пусто, – выйдя из кухни, резюмировал он. – Зови Володю.

Виталий выглянул в подъезд и махнул рукой. Лейтенант поспешно зашел в квартиру.

– Нихрена себе у вас тут побоище. Бой в Крыму, все в дыму...

– Хорошо трепаться, – прервал следователь. – Что с ним дальше делать будем? – посмотрел на Виталия.

– Дальше – больше, – Виталий достал из сумки скотч. – Помогите мне.

Совместными усилиями тело заволокли в комнату, усадили в кресло, примотав: руки к подлокотникам, ноги к ножкам.

– Слабонервных просим удалиться, – Виталий заклеил рот пленного куском скотча и начал копаться в сумке. – Беременные женщины и дети будут очень недовольны.

– Ты что с ним собираешься делать? – слегка побледнел Володя.

– Поговорить с ним, – Виталий достал механическую дрель и набор сверл, удовлетворенно кивнул и, выбрав сверло, начал зажимать в патрон.

– А это тебе зачем?

– Что бы разговор лучше шел. Ты, чем задавать глупые вопросы, принеси лучше стакан воды.

Володя посмотрел на следователя, Андрей Иванович кивнул. Лейтенант вышел из комнаты.

– Ты уверен? – спросил Андрей Иванович. – Еще не поздно...

– Поздно, – Виталий дважды хлестнул пленного тыльной стороной левой ладони по щекам. – Вы сами решили в этом участвовать.

– Сам... – следователь задумчиво потер левую щеку.

Володя принес воду и протянул стакан Виталию.

– На него вылей.

– Я там вот что нашел, – лейтенант показал пузырек с нашатырным спиртом.

– Еще лучше, – Виталий взял пузырек и, открутив крышку, сунул под нос связанному.

Вскоре хозяин квартиры пришел в себя. Обвел налетчиков мутным взглядом, дернулся и замычал.

– Сказать что-то хочешь? – Виталий закрутил крышечку и бросил пузырек в сумку.

Мужчина закивал.

– Молодец. Подержи, – сунул дрель лейтенанту. А мы поболтаем, – в руке Виталия появился нож. Щелкнуло выскакивая лезвие. – Я сейчас сниму скотч. Закричишь – отрежу ухо. Понял? Кивни.

Мужчина кивнул. Виталий резким движением оторвал скотч со рта жертвы и сунул кусок Володе:

– Сверни и в сумку. Теперь с тобой, – ухватил жертву за ухо. – Говори.

– Ребят, вам деньги нужны? – с надеждой спросил связанный.

– Деньги всем нужны, – кивнул Виталий.

– Так я вам дам, – заискивающе улыбнулся, – не вопрос.

– Много?

– Все, что есть, отдам...

– Где они? – Виталий не выказывал ни волнения, ни интереса.

– В холодильнике лежат, в морозилке. Там пакет из-под молока, в нем деньги...

– Проверь, – велел Виталий Володке.

Андрей Иванович кивнул, подтверждая приказ. Бывший участковый ушел на кухню.

– Неплохо живешь, – Виталий обвел взглядом комнату. – Магнитофон, телевизор. Цветной?

– Цветной. Можете забирать.

– Надо же, я таких и не видел... Импортный?

– Да, «Сони», японский. Берите его и видик берите и музыкальный центр...

– Я и слов-то таких не знаю.

Вернулся Володя и показал пачку купюр:

– Тут доллары и марки и наши.

– И что, не жалко? – Виталий взял у лейтенанта дрель заглянул жертве в глаза.

– Берите, все берите. Жизнь дороже.

– Не волнуйся, возьмем, – Виталий подтянул гнукотклеенный стул и повернув спинкой к жертве, уселся на него, положив подбородок на спинку. – А про жизнь ты хорошо сказал, я запомню. Только ты сначала нам расскажи, как эти деньги заработал. Хорошо?

– Ребята, – голос мужчины поменялся, – забирайте деньги, забирайте все, что хотите, и уходите. Я сделаю вид, что вас не было.

– Пугать начал? Значит, разговора не получится?..

– Парень, ты хоть понимаешь, куда лезешь?

– Вот и расскажи мне, а я послушаю и подумаю.

– Да ты знаешь, кто я?!

– Почему мне знать, кто ты? Я пришел поговорить.

– Пошел ты!

– Хам, – Виталий, внезапно перехватив дрель, ударил задним упором сбоку в колено жертвы.

Мужчина дернулся и заскрипел зубами от боли. Продолжая глядеть ему в глаза Виталий снова ударил дрелью туда же.

– Твою мать! – сдавленно прошипел мужчина. – Больно же!

– Нехорошо так про маму, – Виталий встал со стула, положил на него дрель, и ударил сидящего в колено ногой. Цепко ухватил за челюсть, гася крик. – Скотч, – посмотрел на сообщников.

Помявшись, Володя достал из сумки и протянул Виталию скотч.

– Ты у нас все расскажешь, – Виталий залепил рот жертве и, снова усевшись на стул, приставил сверло к бедру плененного, – даже то, чего не знаешь. Ты у меня будешь петь как

Петроний ранним росистым утром перед рыбалкой, – начал не спеша вращать ручку, сверля бедро. – Петь так, что Петроний, если бы услышал, то выщипал бы себе все перья от зависти.

По брюкам потекла кровь, глаза пытаемого залила боль, едко запахло мочой.

– Ты чего? – Володя дернулся остановить пытку, но Андрей Иванович цепко прихватил его за руку и вывел в коридор:

– Тут постой. А лучше поищи пока документы, – вернулся в комнату, закрыв за собой дверь.

Виталий не терял времени даром и сейчас уже прибавал гвоздем-соткой левую стопу хозяина квартиры к паркету:

– Как говорил мой дядя: можно украсть все, что не приколочено к полу. Теперь тебя украсть нельзя, – напоследок небрежным ударом молотка раздробил большой палец и, встав, поставил стул напротив пытаемого. Уселся, наклонил голову, утвердив глаза на уровне глаз мужчины. – Ну что, будем изображать партизана на допросе в гестапо? Учти, я много книжек про немцев прочитал, как они наших героических партизан и подпольщиков мучили. Фашисты проклятые! – молоток врезался в многострадальное колено.

Мужчина что-то промычал.

– Говорить хочешь?

Мужчина лихорадочно закивал.

– А мне уже не интересно, – подтянул сумку, заглянул внутрь. – Что у нас тут еще есть?

Что мы еще можем применить?

Мужчина извивался и мычал, бился затылком об обтянутую кожей спинку кресла.

– Обратите внимание. – Виталий обернулся к следователю. – Бьется головой о спинку, долго воеет – в общем, всячески пытается уйти от ответа.

– Хватит, – твердо сказал следователь, – пускай скажет.

– Пускай, – легко согласился Виталий и содрал скотч. – Пой, птичка, не стыдись.

– Вы не знаете, на кого наехали! Вас же живыми закопают!

– Тут еще гвоздь есть, – показал Виталий. – Можно член его к креслу приколотить. Да? – посмотрел на жертву. – Попробуем?

– Хрен с вами!!! Я скажу, я все скажу!!!

– погоди, – Виталий шлепнул мужчину тыльной стороной ладони по губам. – Магнитофон вон у тебя в шкафу, – встал, взял магнитофон. Повертел, хмыкнул, нашел «Запись» включил, поставил на стул. – Теперь рассказывай. У меня после психушки с памятью что-то стало...

– Что рассказывать?

– Что ты делал с детьми из детдома?

– Продавал...

– Детей? – не понял Андрей Иванович.

– И самих детей, особенно девочек. И на органы: на Западе очередь на пересадки и многие годами ждут, и готовы платить деньги...

IV

Закатное Солнце било прямо в окно кухни. Андрей Иванович снова переслушивал запись допроса. Виталий с аппетитом жевал яичницу с колбасой, Володя курил «Сamal» хозяина.

– История не новая, взять хотя бы ту же секту под названием Finders, «Искатели» по нашему. Но как ты про это узнал? – следователь выключил магнитофон, достал кассету и, положив в футляр, спрятал в карман.

– К нам парня одного привезли, – Виталий прямо из бутылки отхлебнул холодной «Coca-Cola», – он и рассказал. Его брата так распотрошили и его самого хотели. И эта гнида, – ткнул пальцем за спину. В сторону комнаты, – думал, что кранты пацану и все ему рассказал: поглумиться хотел или напугать, кто знает. А тот вывернулся как-то, скотч порвал и скальпелем падлу пырнул. Поджег детдом и в суматохе под шумок сделал ноги.

– В милицию, я так понимаю, он не пошел?

Виталий пожал плечами.

– А в дурке как оказался? – Володя затушил окурок в банке из-под шпрот и закурил следующую. – Пацан этот.

– Скитался и попал в компанию. Там у них дезертир главным был, студент бывший. Жили в заброшенной деревне и выходили на трассу охотиться.

– Охотиться? – не понял бывший участковый.

– Ловили тех, кто детей насилует и убивает, маньяков. И убивали. Потом кого-то не того убили и их стали искать. Они тачки в райцентр гоняли на продажу, так и спалились. Милиция накрыла, и почти всех убили во время захвата.

– А почему его вместо колонии в дурку упекли?

– Они не просто убивали, – Виталий промокнул куском хлеба оставшийся в сковороде жир и съел его. – Они ели убитых...

Володя поперхнулся дымом и закашлялся.

– Ничего себе.

– Сейчас он где? – спросил Андрей Иванович.

– Не знаю. Его от нас забрали. Может те, кто с этим козлом работает, может, другие. Я не знаю.

– Что будем делать? – ни на кого не глядя, спросил Володя.

– Идти в милицию бесполезно, – устало сказал Андрей Иванович. – Ты же сам все слышал: им покровительствуют с самого верха, а мы кто? Беглец из психлечебницы, бывший мент и не пойми кто. Кому и что мы докажем? Суд вообще не примет признание, полученное таким путем. Нас раньше самих пожизненно закроют за «нарушение социалистической законности» или как это у вас теперь называется.

– С такими деньгами на кону могут и к стенке поставить, – Володя затушил «бычок», уныло посмотрел в пустую пачку, и аккуратно сложив ее, засунул в банку-пепельницу. Взял с холодильника бумажный пакет и положил в него пепельницу.

– Могут, – согласился Андрей Иванович и посмотрел на Виталия.

Виталий, налив на тряпку водки «Finlandia» из найденной в холодильнике бутылки, протирал вилку и ручку сковороды.

– Значит?.. – голос лейтенанта слегка дрогнул.

– Володя, ты иди, внизу нас подожди, – мягко сказал Андрей Иванович. – Лучше возле машины.

Лейтенант ушел. Следователь взял кухонное полотенце, полил водкой и начал протирать все места, которых они могли коснуться.

– Как? – спросил Виталий.

– Стрелять не стоит.
– Да, на такую сволочь пули жалко. Прирежем, как свинью?
– Много крови, – следователь покачал головой. – Просто придушим и все.
– Собаке собачья смерть, – Виталий вышел в коридор. – Собака кстати околела. Жалко, она же не виновата, что у нее хозяин такая мразь. А в сумке тросик есть какой-то, вполне сойдет.

Выходя из квартиры, Андрей Иванович запер дверь найденными в кармане куртки хозяйки ключами.

– Какое-то время у нас будет, пока его хватятся.
– Угу, – спускаясь по лестнице, отозвался Виталий.
– Нас с трупом связать ничто не может: пальцы мы протерли, мотива у нас нет.
– Только Мария Ивановна. Уж больно шустрая старушка, – оглянулся Виталий. – Будем надеяться, что она нас забудет.

Никого не встретив, дошли до «девятки», сели.
– Теперь куда? – спросил следователь.
– Сначала отсюда подальше, а по пути вы мне расскажете, какого лешего вас тянет в Карловку.
– Хорошо, – кивнул Андрей Иванович.
– А я расскажу вам одну забавную историю, – Виталий повернулся к сидящим сзади и оскалился, – и одной тайной в нашем расследовании станет меньше.

– Мне какие-то уродцы с красными глазами снились, – за завтраком сказала мать, – спотыкались по огороду и жрали огурцы.
– И что? – зевнул отец.
– А то, что у нас кто-то огурцы подворовывает...
– Лица, лица-то рассмотрела? Кто? – с хрустом почесал подбородок.
– Не знаю, – мать, словно в телевизор, смотрела в чашку, – незнакомые...
– Наркоманы? – брат подкрался к матери и тоже посмотрел в чашку.
Они надолго замолчали, напряженно рассматривая что-то.
– Что там? – не выдержал отец.
– Вить, глянь, как чайники плавают. Как узор какой.
– Тьфу на вас, малахольные! Огурцы кто-то жрет, а вы чай рассматриваете, как чукчи!
– А если чукчи воруют? – ухватился за новую идею брат.
– Да, Катя, – покачал головой отец, – надо было аборт делать. Он нас доконает. Сегодня у него чукчи огурцы воруют, а завтра его куры засерут.
– Я их сам засеру!
– Тьфу на тебя, – отец ловко плюнул Коле на макушку. – Иди огурцы сторожи, курсер.
– А может это она? – вдруг испуганно прижала кулак ко рту мать. – Фомячиха? Она колдовством огурцы поганит! – перекрестилась и трижды постучала костяшками пальцев по столешнице.
– Нужно какие-то меры принять, – глубокомысленно, как увидевший вертолет старый енот, собрал на лбу морщины отец. – Попробуй святой водой огурцы окропить.
Мать побрызгала на грядки святой водой, а утром ослепла корова.
– Дьявол! – громко шептала мать, со слезами глядя на стоящую в стойле кормилицу. – Батюшку с кадилом надо было звать!
На второй день в жутких мучениях Голубка сдохла.

– Ну что, дождались? Корова сдохла, а ты все «меры принять, меры!» Где твои меры? – завелась мать.

– А всё из-за того, что купили телевизор! Завидуют! Все завидуют! – в сердцах стукнул кулаком по столу отец. – Теперь не наживешь палат каменных!

– Мы и так в долгах как в шелках, а еще корову надо будет покупать.

– Ты присядь, успокойся. Вечером... Виталий, пошли, – сказал отец. – Найди несколько бутылок.

Я принес из старого погреба бутылки.

– Наливаем масло, сверху бензин, втыкаем тряпки, – учил отец, – коктейль Молотова называется. Им финны наши танки жгли.

Когда стемнело, мы помолились.

– Пора, – сказал отец, надевая пробковый шлем, украденный в Москве, не забыв в тысячный раз постучать по нему и сказать: «Пробка. Подарок от друзей из Африки».

– Вить, хватит выделяться! – не выдержала мать. – На серьезное дело идем!

Обвешавшись геранью, которую мать разводила на подоконниках от ведьм, через ночной сад пошли к скромному домику страшной ведьмы. Перед покосившимся плетнем остановились.

– Лапки достаньте, – скомандовала мать, – пускай наружу свисают.

Достали кроличьи лапки, которые от сглаза носили на шеях.

– План такой – подпираем дверь, заколачиваем окна. В задней стене окон нет, так что только три боковых.

– Откуда ты знаешь, что сзади нет окон? – подозрительно спросила мать. – Небось, таскался к внучке ее?

– Не сходи с ума! Днем разведку провел и поэтому знаю. Ладно, хватит трепаться: Виталик, Коля – ваше окно слева, Катя – твое правое дальнее, за мной дверь и оставшееся. Пошли!

Тихо подойдя к дому, отец подпер дверь бруском.

Мы подошли к левому окну и, услышав стук отцовского молотка, начали заколачивать окно досками крест-накрест.

– Даже детям понятно, что герои рождаются на войне, – закончив заколачивать окна, рассуждал отец, – вот мы и ведем священную войну с нечистью, – сунул молоток мне в руки, щедро полил из канистры стену, достал спички, чиркнул спичкой о коробок. – Отойди, а то волосы обгорят, – бросил спичку на угол.

Бензин весело полыхнул. Дерево под огнем затрещало.

– Вот оно, окончательное решение, – взяв канистру и поливая другой угол, говорил отец. Еще одна спичка и еще один угол занимается пламенем, – раньше бы за то, что корову сгубила, на кол посадили, а теперь все гуманнее, – остатки бензина вылиты на заднюю стену.

Пламя все сильнее облизывало домик, добравшись и до соломенной крыши. Изнутри раздавались испуганные крики и стук в дверь.

– Ведь как с колдовством бороться? А рецепт тысячи лет известен – очищающее пламя, – поджег тряпку на бутылке, швырнул в дверь. – Мы как инквизиция, без нас бы культурный мир пал!

– И внучка ее, Жанка, тоже хороша, – сказала мать, – шестнадцать лет всего, а уже отрастила сиськи и с мужиками жила! Блудница!

– Нехорошая тенденция, – согласился отец, закуривая, и швыряя следующую бутылку прямым в окно, – гнилая мелкобуржуазность какая-то.

Бутылка, пролетев меж досок, гулко взорвалась внутри дома.

– Ну что, зоркий ястреб, увидел, как героями становятся? – докуривая и бросая окурки в пламя пожара, спросил у Коли отец.

– Увидел... – брат, не отрываясь, смотрел на крематорий.

– На, попробуй, – отец протянул бутылку. – Сейчас подожгу, а ты бросай.

Чиркнула зажигалка, загорелась пропитанная бензином тряпка, бутылка, прочертив огненную дугу, разбилась о стену.

– Молодец! – похвалил отец. – Виталий, ты хочешь?

– Нет, – отказался я, с трудом сдерживая тошноту.

Крики заживо сгорающих людей из дома слились с гулом пламени, а потом, когда горячая крыша провалилась внутрь, смолкли.

– Если нас на пожаре не будет, то подозрительно, – сказала мать.

– Виталик, отнеси домой инструмент и канистру, а мы тут побудем.

– Можете спать ложиться, – разрешила мать. – А что милиция подумает? – повернулась к отцу.

– Милиция разве умеет думать? – отмахнулся.

– Как бы чего не вышло...

– Не волнуйся все, что могло выйти, уже вышло. А корову мы оформим в совхоз на мясо – и деньги на телевизор отобьются.

Назавтра приехал участковый, посмотрел на обгоревшие трупы, хмыкнул, распил с отцом бутылку водки.

– Пожар от естественных причин, – объявил напоследок, пошатываясь. – Можете хоронить.

Тела мирно закопали на погосте. Вскладчину устроили в столовой поминки. Родители вернулись ближе к вечеру.

– Пошли... огурчиков свежих сорвем, – ехидно ухмыльнулся отец.

Ухмылка была щербатой из-за зуба, который выбила повариха в Покровке – деревне, где мы раньше жили, подловившая его на кражах из столовой (скатерть, под которой любит прятаться Коля, и запасы черного перца у нас были оттуда). Впрочем, в Карловке отец всем рассказывал, что лишился зуба, когда помогал КГБ задерживать банду особо опасных контрабандистов.

На огороде мать поймала рыжего соседского кота, упоенно пожирающего огурцы.

– Получается, не она огурцы портила! – крепко ухватив за холку, трепала кота мать. – А эта сволочь рыжая! Сашки Куприянова кот. У-у-у, душегуб, весь в хозяина!

– Огурцы не она, но корова-то сдохла. Не кот же ее отравил?

– Верно, Голубка сдохла... Значит, она!

– Не забивай себе голову. Умерла, как говорится, так умерла.

– С котом что делать?

– Начал с огурцов, а потом до курей доберется. Придуши, чтобы не орал, и пошли ужинать.

– А труп куда?

– Брось хозяину в огород, в назидание.

– Может лапы ему отрезать? Будут на смену кроличьим...

– Отрежь, чего добру пропадать? Сашке – ханурику будет знак, что его ждет, если у нас что-то случится.

– Тьфу, тьфу, тьфу... – поплевала через левое плечо.

А на следующий день у нас сдохла курица...

– Аж дрожь пробрала, – сказал Володька. – Но ты сказал про участкового. Это же не я был?

– Нет, это старый участковый, – медленно ответил Виталий. – Тебя потом поставили к нам, после него.

– У меня мурашки по спине до сих пор бегают, – признался Игорь. – Тебе только ночью в пионерлагере у костра выступать. Все девчонки твои будут.

– Не трепись, – осадил брата Володя, – нет больше пионеров.

– Знаете, – следователь задумчиво потер щеку, – я о чем-то подобном догадывался: в одиночке было время подумать. Андрея точно не твои родственники?

– Насчет Андрея не знаю, – Виталий обернулся и пристально посмотрел на следователя. – Я уже ни в чем не уверен: может я и правда свихнулся?

– Пока что все укладывается в логику, во всяком случае, для Карловки логично.

– А пропавший ТТ? А мертвый Феогнид Карлович, сказавший, где найти пистолет? А птицы? Это все тоже укладывается?

– Если допустить, – осторожно сказал Андрей Иванович, – что у тебя имеется определенное небольшое расстройство психики... Это бы объяснило некоторые эффекты...

– Вы так договоритесь, что Андрея я убил. И Витька следом.

– Согласись, если допустить, – продолжал Андрей Иванович, – что ты не помнишь некоторые события, то вполне можно допустить что угодно...

– С такими родителями станешь психом, – вставил Володя.

– А про засаду с пулеметом я тоже сам себя предупредил? Маленький мальчик нашел пулемет – он остановит внезапный поход... Это как объяснить?

– Я не знаю, – признал следователь.

Виталий молчал, погрузившись в себя. Володя смотрел на его затылок. Андрей Иванович отвернулся к окну и задумался о чем-то. Какая-то мысль еще с залитой кровью и пахнущей смертью квартиры не давала ему покоя, скреблась и царапалась в мозг.

Километры асфальта скрипели под колесами, машина мчалась вперед, одновременно неся всех назад, в кровавое прошлое.

– Слушай, Виталий, – Андрей Иванович наконец поймал хвостик свербящей мысли, – а как ты адрес этого уroda узнал? Парень же не мог его тебе сказать?

– Не знаю, – Виталий невидяще смотрел вперед, – я просто знал адрес и все.

– А если бы не того? – покраснел от возмущения Володя. – Ошибся бы с адресом? Что тогда?

– Ты признание слышал? – вопросом на вопрос ответил Виталий.

– Такими методами я бы и сам в чем угодно признался!

– Извини, времени его уговаривать у нас не было.

– Да ты понимаешь, что говоришь?! Ты живому человеку ногу сверлил!!!

– Я тебя с собой не звал, – отрезал Виталий. – Если такой чуткий, то мог в машине подождать. Или старушек через дорогу переводить. Или котят с деревьев снимать, дядя Степа.

– Да ты псих!!!

– Хватит, – прервал Андрей Иванович, – не надо ссориться. У нас впереди трудное дело, а если будем грызться, то лучше сразу разбежаться.

Володя возмущенно дышал, Виталий безучастно смотрел вперед. Руки Игоря слегка подрагивали на руле.

– Короче, – прервал молчание Виталий, – в Карловку соваться с пустыми руками опаснее, чем в змеиное гнездо.

– Что ты предлагаешь? – спросил следователь.

– Оружие надо, – Виталий обернулся и посмотрел на Володю. – Ты по своим прежним связям достать можешь?

– Там?

– Да хоть где.

- Я там не живу уже.
- Вот те на! – Виталий хлопнул себя ладонями по бедрам. – Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. А где же ты теперь живешь?
- В Подмоскowie.
- Тогда какого хрена тебя несет в Карловскую глушь? Медом помазано?
- Тут, понимаешь, дело такое, – осторожно начал лейтенант, – из милиции меня поперли.
- Кто бы сомневался? – хмыкнул Виталий.
- В общем, мы всей семьей перебрались сюда и мы с Игорем занялись бизнесом.
- Водку что ли воруете? – удивился Виталий.
- Какую водку? – Игорь испуганно оглянулся на заднее сидение. – Он того, заговаривается?
- За дорогой следи, водила. Просто мне в дурке рассказывали, что сейчас есть какой-то русский бизнес: воруют водку, продают, а навар пропивают. Вот я и подумал, что вы тоже из таких и решил уточнить.
- Нет, мы машины из Германии гоняли, – вздохнул Володя.
- А как вы в Германию попадали?
- Через Польшу, естественно.
- Для тебя может и естественно, а вот для меня – не очень.
- Кстати, о Польше, – сказал Андрей Иванович, – Коля Андронов ваш был на самом деле поручиком службы безопасности Польской Народной Республики...
- Пятачок что ли? – уточнил Виталий. – Максиманихи зять?
- Он самый.
- Дела...
- И что это значит? – спросил бывший участковый.
- Это значит, что Карловка как минимум одной иностранной разведке интересна.
- Только шпионов в этом дерьме не хватало, – Виталий резко выдохнул сквозь зубы. – Временами мне кажется, что в дурдоме больше нормальных, чем тут – на воле.
- Многое просто поменялось, – дипломатично сказал Игорь, – пока вас с Андреем Ивановичем не было.
- Там же у вас и немцы были? – спросил бывший участковый.
- Володя, вы думаете, там немецкая разведка? – мягко спросил следователь.
- Всякое может быть, – лейтенант пожал плечами. – На Пятачка тоже никто не мог бы подумать, что он польский шпион.
- Еще и каннибал, – добавил Андрей Иванович.
- Это что такое? – не понял Володя.
- Людоед...
- Нефига себе, – вырвалось у Игоря.
- Вы шутите? – каким-то чужим голосом спросил Володя.
- Если кто и шутил, так это Андронов и Максиманиха перед смертью, – пожал плечами следователь. – Но мне показалось, что к шуткам в тот момент они были мало расположены. А если и шутили, на свою голову, то обладали недюжинными актерскими дарованиями, потому что лично я поверил им сразу и до смерти испугался.
- Ихней смерти... – тихо сказал Володя.
- Что, – ехидно спросил Виталий, – уже не так тянет в Карловские леса? Кстати, вы так и не сказали, что там забыли.
- В общем, – помялся Володя, – нам с Игорем нужны деньги.
- Деньги всем нужны.
- Ты не понял. Мы, короче, у нас с тачками не получилось, и мы на бабки попали.

– Печально, но сами виноваты. Нечего лезть туда, где ничего не знаете. Не зная брода – не суйся в воду и прочие поговорки и поговорки из учебника пятого класса.

– Задним умом все крепки, но нам советами не поможешь.

– Возьмите из денег эскулапа, делов-то?

– Нам больше надо...

– А если просто послать их? Тех, кому вы деньги должны.

– Там серьезные люди, а у меня дети...

– Поздравляю.

– В общем, нам нужны деньги, – закончил Володя.

Игорь кивнул.

– Откуда в Карловке деньги?

– Там же золото спрятано...

– Опять двадцать пять! Да этим золотом уже всем уши прожужжали, только в глаза его никто не видел. Даже про Сашку Куприянова болтали, что его из-за золота убили, а он из-за несчастной курицы смерть принял.

– Дыма без огня не бывает, – убежденно сказал Игорь. – Вся округа знала, что у вас золото спрятано...

– Угу, – прервал Виталий, – еще с Гражданской «белые» спрятали; а потом в войну наш обоз с эвакуированным золотом там разбомбили; а потом, когда немцы отступали, то и они обоз золота в нашем лесу потеряли. Все?

– Еще после павловской реформы, говорят, туда деньги свезли старые, чтобы сжечь, – обиженно сказал Игорь, – да не получилось у них что-то.

– Да, гранаты были не той системы. Я, наверное, все еще в психушке, – удрученно сказал Виталий, – вместе с прокурором и Наполеоном.

– Вот, – очнулся Володя, – помню, старики говорили, что и Наполеон в тех местах что-то ценное оставил.

– Нам только скифского кургана не хватает с золотыми украшениями, – понимающе кивнул Виталий. – Хотя, Николай Яковлевич, Генц который, гнида, нам что-то такое рассказывал на уроках истории. Мы даже наслушались и пошли в старой церкви в Афоньевке под каменными плитами пола клад искать.

– Нашли? – без особого интереса спросил следователь.

– Угу.

– Скелеты они нашли под плитами, – объяснил бывший участковый, – мужчины и девочки.

– С трупом девочки было не совсем чисто, – нехотя сказал следователь.

– Вы про что? – не понял Володя. – Откуда знаете?

– Читал... Вроде как она и не совсем девочка была...

– Это случается, – усмехнулся Игорь, – раньше нравы свободнее были.

– И не совсем человек...

– В смысле?

– В прямом.

– Дела, – присвистнул лейтенант. – Что же там творится? Какого хрена все это значит? – посмотрел на Виталия.

– Не знаю. А про церковь – было такое, – кивнул Виталий, – трупы нашли, а клада никакого не оказалось. Так и с вашим золотом, – посмотрел на Игоря. – Пшик один выйдет.

– У нас миноискатель есть, – сказал Володя.

– Нет, нет и еще раз нет, – Виталий покачал головой, – мины сами ищите. Их там и так как горох из рваного мешка рассыпано: на каждом шагу. Каждый раз, когда поля пашут – находят. А мы с Андрюхой покойным вообще раз бомбу нашли.

– Бомбу? – не поверил Андрей Иванович. – Ты преувеличиваешь?

– Нет. Дело было так: однажды по детской привычке шныряли с Андрюхой по окрестностям. Незаметно забрели на поле за околицей «новой» деревни. Земля сразу облепила сапоги. Запах свежей земли забивал ноздри, радующиеся жизни после зимних простуд. Грачи, важные как гауляйтеры из рассказов бабушки, с достоинством бродили по свежей пашне. Суетливая галка, затесавшаяся среди них, воровато поглядывала на нас. Мы шлялись по полю, подбирая крупные комья земли и швыряя в сторону лесопосадки, тянувшейся вдоль дороги.

– Хорошо грачам, – сказал Андрюха, нагибаясь за очередным комком, – на зиму улетают, весной прилетают, и все им рады.

– Это да. Даже на картинах их рисуют.

– А вот галки, галки улетают?

– Галки? – задумался я, провожая глазами вороватую пернатую бестию. Взгляд зацепил какую-то ржавую железяку, невинно торчащую из земли. Разогнувшись, посмотрел на нее внимательно. – Андрюх, глянь что там, – указал рукой.

– Где?

– Да вон, в земле, гляди.

Мы подошли поближе и осмотрели находку.

– Здоровая такая дура, – оценил Андрюха. – Что это?

– Я откуда знаю? Может бочка?

– Откуда тут бочка? – примерился он пнуть находку.

– Стой! Не трогай! – внезапно осенило меня. – Это бомба!

– Откуда тут бомба? – усомнился, но пинать не стал.

– А вдруг с войны осталась?

– С войны?

– А что? Каски же немецкие мы находили, почему бы и бомбе не быть?

Касок немецких много находили и мы, и другие деревенские дети. Вся эта проржавевшая амуниция была сдана в школьный музей, откуда исчезла, как подозреваю, не без помощи нашего малолетнего деревенского ворюги Стасика-Эмиля.

– Сравнил тоже, каска и бомба.

– А помнишь, тушенку как-то возле леса выкопали?

– Немецкую? Помню.

– Если это бомба, то надо что-то делать.

– Что? – не понял он. – Разряжать что ли?

– Ты что больной? Стой тут и никого не подпускай. Я бате скажу, – я направился в деревню.

Возле дома Сашки Газона встретил Колю и Моргуnenка.

– Вы чего тут ошиваетесь?

– Хотели на поле сходить. Шурик сказал, что там вспахали сегодня. Можно монеты поискать, – солидно отозвался брат.

Монеты действительно встречались. Мы Андрюхой нашли монету медную в две копейки достоинством, 1814 года чеканки.

– Слышите вы, кладоискатели юные! А ну марш домой и что бы никуда ни ногой, а то я вам такой Остров Сокровищ устрою!

– А чего это? – начал выступать Шурик. – Думаете сами все заграбастать?

– Не до монет сейчас. Важнее дело. Шпионов на парашютах сбросили, – таинственным шепотом поведал я. – Могут попытаться к телефонам проникнуть. Закройтесь в домах и никого не пускайте!

– А чьи шпионы? – побледнел Моргуnenок.

– Немецкие, – не пришло мне в голову ничего лучше. – Нацисты снова в бою! Скоро каратели придут!

– А ты куда? – забеспокоился боязливый брат, нервно оглядываясь в поисках идущих карателей.

– В контору бегу, батюшке сообщить, – для разнообразия сказал чистую правду. – Он тревогу поднимет. Ладно, я побежал, и вы бегите.

Они побежали в сторону нашей улицы, а я напрямую к конторе. Прибегаю, а папаша сидит в кабинете и плюет в мух, ползающих по окну.

– СтаршОй, хорошо, что пришел, – обрадовался он. – Возьми графин и сходи в коридоре из бачка воды набери.

– Зачем? – не понял я.

– Во рту пересыхает, слюна не так мощно выделяется, – прояснил зигзаг своей стремительной мысли.

– Бать, мы там бомбу нашли! – выпалил я.

– Секс? – заинтересованно отвел хищный взгляд от мух. – Как говорится, секс-бомба детям не игрушка, а игрушка взрослым!

– Где? – не понял я. – Что? Какая игрушка?

– Секс-бомбу нашли?

– Нет.

– Тогда неси воду, – потерял интерес к моему рассказу и вновь нацелился на жужжащую «дичь». – И не отвлекай отца.

– Мы бомбу нашли!

– Ты еще здесь? – раздраженно повернулся. – И все еще без воды?

– На поле немецкая бомба!

– Какой же ты упрямый. Как нут прямо! Не видишь, что батьке не до игр?

– В мух плевать важнее?

– Я не плюю! – воздел к потолку перст. – Я дезинфицирую! Я с мухами борюсь на введенном объекте!

– А если бомба рванет, – не сдавался я, – кто будет виноват?

– Где там и какая бомба? – наконец сдался отец. – Далеко?

– На поле за деревней, которое сегодня бороновали.

– Если бы там была бомба, то трактор бы взорвался, – зевнул, покосившись на окно. Оставленные без присмотра мухи вызывающе отплясывали на стекле, пятная его азбукой Морзе.

– Как сеять начнет, так и взорвется.

– Ладно, поехали, посмотрим, что за железка тебя напугала.

Мы вышли из кабинета и на отцовской машине доехали до поля. Андрюха мирно сидел на кочке и меланхолично смотрел на ржавый бок.

– Это бомба? – издали сморщился папаша, подвернув брюки и брезгливо вступая на пашню.

Подойдя, он внимательно осмотрел предмет и заметно побледнел.

– Давно лежит? – спросил нас.

– С войны, наверное, – переглянувшись, пожали мы плечами.

– Похоже на бомбу. Значит так, вы отойдите к посадке и следите, чтобы никто не подошел. А я в контору – позвоню. Да, – на ходу развернулся, – если трактора появятся, скажите от моего имени, чтобы на поле не заезжали.

Папаша спешно дотопал до края поля, как утка переваливаясь на жирных кочках, созданных мощным плугом, уселся в машину и был таков. Мы отошли к посадке и стали ждать.

– Может нам медали дадут, – мечтательно сказал Андрюха.

– Или премию, – более прагматично помечтал я.
– А лучше и премию и медали, – подхватил он.
– На самом деле, мне, скорее от матери попадет, чтобы мы не чкались по полям, – вздохнул я.

– Может и не попадет? Мы же герои.

– Попадет, вот увидишь.

Часа через два приехали саперы. Оцепили периметр и в взорвали бомбу прямо там, на поле. У нескольких домов на улице даже стекла повывлетали. Ни премию, ни медалей мы не получили. А мать меня сильно избила, чтобы не шлялся где ни попадаю.

– Смерти моей хочешь? – кричала она.

– Нет.

– Так какого же ты поперся к бомбе? Совсем debil? Окончательно мозги протухли?

– Ничего не протухли. Мы охраняли.

– Точно тронулся. Весь в отца, такой же баран! От кого вы ее охраняли?

– Батя сказал никого не подпускать и трактористов предупредить...

– Так этот тот бурдулек безмозглый вас поставил сторожить?

– Ну да...

– Вить, ты Виталика оставил бомбу охранять? – пошла к развалившемуся на моем диване отцу, увлеченно смотревшему телевизор.

– А? Что?

– Бомбу сторожить ты ребенка оставил?

– Что значит ребенка? Это будущий воин! Я оставил его выполнять ответственное задание – предотвратить взрыв. Как говорится, в жизни всегда есть место подвигу!

– Ты совсем ополоумел? А если бы она взорвалась?

– Не взорвалась же.

– А что же ты сам не остался сторожить? Подвиг совершать?

– Кать, ты думай, что мелешь, – обиделся отец. – Сравнила тоже. Детей можно десяток нарожать, а я один! Да и как я мог в такую тяжкую минуту оставить совхоз на произвол судьбы? А если бы что-то случилось?

– Туебень ты бесчувственный!

– Сама посуди, если бы Виталик в милицию позвонил про бомбу, то кто бы ему поверил? И вообще, я не позволю делать из ребенка кисейную барышню! Я его научу страну защищать! Он воин, который всегда должен быть готов отдать жизнь Родине!

– Витя, а сам ты чего не готов был жизнь отдать? – ехидно, как ехидна, спросила мать.

– Катерина, у каждого свой фронт и партии виднее, кто и где должен жизнь отдавать!

– Скотина ты и лежебока!

– Сама ты скотина! А я государственный деятель! Меня партия тут поставила! Не мешай смотреть!

– Да, дела-а-а-а, – протянул лейтенант.

Ночная трасса бежала навстречу в свете фар. Деревья лесопосадок, наплывающие темной волной. В зыбких отсветах фар и не поймешь: то березка иль осина. Пунктир прерывистой разметки, бьющий сквозь глаза в цепенеющий мозг и подстраивающий под свой ритм сердца. Время от времени по сторонам мелькали скособоченные, замызганные покосившиеся деревянные домишки, подслеповато глядящие из-под резных наличников, которые, как казалось, помнили еще Наполеона. Какие-то деревеньки: сюрреалистичные и депрессивные, как сон психопата. Проскочил городок с облупленными панельными пятиэтажками. Пассажиры застыли, будто мухи в янтаре, только водитель лениво, будто нехотя, шевелил рулем да жал на педали.

– Давайте заночуем, – сказал Андрей Иванович, – а то Игорь уже носом клюет.

- Я могу подменить его, – зевнул Володя.
 - Не надо. Спешить некуда. Лучше выспаться.
 - Тише едешь, дальше будешь, – высказался Виталий. – Давненько я не ночевал в машине.
 - Все лучше, чем в чистом поле, – сказал лейтенант.
- Игорь съехал на обочину и заглушил мотор.

V

Липовый парок был чудо как хорош. Александр Степанович Филатов с наслаждением фыркал, будто сытый тюлень в марте, и ожесточенно хлестал себя двумя вениками: березовый в левой руке, дубовый – в правой. Но всему рано или поздно приходит конец, даже блаженству. Вконец обессилев, ссыпался с полка, едва не снеся дверь, вывалился из парилки.

– Уф, хорошо! – закрыл дверь, чтобы сберечь парок, подцепил из алюминиевой фляги ковш прохладной водицы, вылил себе на голову. – Уф, хорошо то как!

Повесил ковш обратно на стену, вышел в предбанник, где на столе из светлой сосны ждала вожделенная трехлитровка с пивом.

– А ведь должен был насторожиться, старый черт! – пронеслась запоздалая мысль. – Должен, твою мать!

Еще тогда, когда в сельпо вдруг неожиданно завезли пиво – нужно было насторожиться. Сроду такого не было, чтобы пиво завезли. Да еще и вволю. Слух о необычном явлении пронесся по деревне, как лесной пожар по сухой степи, и Александр Степанович невольно подавшись общему порыву и, без особой надежды прихватив пару банок, пошел к магазину.

Фронтвик дед Агрофен Жигалин, прозванный острыми на язык земляками Аграфинном и Прожектором Перестройки за то, что собирал по всему району подписи под петицией Горбачеву с требованием прекратить «сухой закон» привычно прокричал:

– Ветераны без очереди.

– Не волнуйтесь, Аграфен Маркович, – продавщица Клава задорно подмигнула толпившимся за Прожектором Перестройки мужикам, – на всех хватит.

– Это как на всех? – не понял дед.

– Хватит, да еще и останется. Вволю привезли.

– Неужели от демократов такое счастье? – не поверил Агрофен.

– Не знаю от кого, только пива много.

– Нешто правда демократы жизнь наладят? – удивился механизатор Пыня.

– Наладят, держи карман шире, – сварливо откликнулся политически подкованный Агрофен, – сначала Курилы у нас заберут, а потом наладят.

– Хрен им, а не Курилы, – начали горячиться мужики. – Ексель-моксель им поперек дышлом, а не Курилы.

– Я им перейду границу у реки! – Пыня погрозил кулаком.

– Япония в той стороне, – добродушно усмехнулся Александр Степанович.

– В той? – Пыня поменял направление угрозы.

– Географию знать надо, – наставительно сказал Агрофен, выставляя из авоськи на прилавок трехлитровые банки. – А то Берлин второй раз взять не сможешь, забредешь к финнам.

– Это я НАТО грозил, – не растерялся Пыня. – Превентивно.

Наградой ему стал дружный смех мужиков.

– И шведу, – кивнул Прожектор Перестройки, жадно глядя на пиво.

Взял Александр Степанович пиво, идет домой, а тут соседские ребяташки.

– Дядя Саша, возьмите раков, ночью наловили.

И ведро суют, пострелята.

Глянул Александр Степанович: раки крупные, мордастые, ну что твои депутаты в телевизоре. Не устоял: достал потертый кошелек, отсчитал пацанве.

– Только сигареты не покупайте, а то уши надеру, – постращал пальцем.

– Не, дядя Саша, мы на крючки и ножики.

– Ладно, ведро потом заберете, – и с ведром и авоськой вошел во двор.

А коли есть пиво да раки, да тараночка засушена из крупных окуней, то почему бы благодарному дону не попариться в баньке? Натаскал воды в бак и фляги, затопил баню. Пока баня поспевала, сварил раков с укропом. Высыпал на широкое деревянное блюдо, подаренное когда-то школьниками, отнес на стол в предбаннике. Выставил туда же из холодильника банку с пивом. Поставил стакан граненый и снизу сушеного окуня положил. А рядом на клеенке пару луковиц да хлеб разрезанный. Любил Александр Степанович рыбу сушеную с хлебом да луком кушать. А уж с пивом!..

Взял в доме ношенные, но чистые кальсоны, вылинявшую майку да полотенце. Выложил из кармана галифе служившую портсигаром пластиковую оранжевую коробочку от индивидуальной аптечки, снял с руки наградные часы, разделся и пошел париться.

Парился от души, как предки перед смертельным боем. Расслабился, разомлел, будто родился заново, а тут вот так: вышел и будто мордой об стол. На лавке за столом сидели трое. Наметанный взгляд обежал всех троих: не здешние, Александру Степановичу не знакомые. По одежде – городские. А вот по повадкам... Случалось Александру Степановичу повидать ребят из КГБ. Иной сельский участковый уполномоченный их только в кино и видел, а вот Александру Степановичу приходилось в жизни встречаться и не раз. Уж больно они Карловкой интересовались. Ходили вокруг да около, как лиса вокруг курятника, и ничего толком не сказали.

– Ну что встал, дядя? – спросил один из незваных гостей, широкоплечий, с поломанными ушами и носом. – Проходи, – махнул глушителем, навинченным на ствол пистолета незнакомой Александру Степановичу модели. – Садись, в ногах правды нет.

– Повежливее, Ацтек, – остановил сообщника другой, невзрачного вида, будто какой-то потертый, мужичок. – Мы все-таки в гостях, а уважаемый Александр Степанович тут хозяин. Присаживайтесь, Александр Степанович, не стесняйтесь.

– Будьте как дома, – глумовато улыбнулся Ацтек.

– Спасибо, – Александр Степанович подошел к столу, и спокойно сел на табуретку.

Протянув руку, отметил краем глаза реакции гостей, зацепил банку и налил в стакан. Поставил банку, взял стакан и не спеша, с наслаждением, начал пить. Пиво было вкусным, а с учетом того, что Александр Степанович сейчас вполне мог пить его последний раз в жизни, становилось еще вкуснее. Александр Степанович пил и смотрел на гостей. Кадык Ацтека непроизвольно метнулся вниз-вверх. Александр Степанович поставил опустошенный стакан на стол, тыльной стороной ладони вытер усы, взял рака, разломал и с удовольствием начал есть сочное ароматное мясо.

– Ури, он так и будет есть? – не выдержал Ацтек.

– Мог бы и угостить, – Александр Степанович отбросил на стол высосанную клешню, – но только после бани. Просто на сытый желудок париться плохо, – развел руками, – звиняйте.

– С чего вы взяли, что мы пришли париться? – спросил Ури.

– Обычай такой, – Александр Степанович серьезно смотрел на противника, – сначала в баньке гостя попарить, накормить и напоить, а потом уже о делах разговаривать.

– Ури, он дело говорит.

– Ацтек, помолчи.

– А чего бы и не попариться?

– Я не парюсь, – отрезал Ури, не сводя с Александра Степановича черных маслянистых глаз, – только в сауне. Финской...

– Напрасно, многое упускает. Русская банька «по белому» – это просто сказка. Впрочем, хозяин – барин, – Александр Степанович снова наполнил стакан пивом. – Было бы предложено.

– Я бы попарился, – засуетился Ацтек, – когда еще выпадет случай?

– Ты собираешься с ним в баню париться идти? – удивился третий, молчавший до сих пор.

– Почему нет, Иван? Что он мне там сделает?

Иван с сомнением оглядел сухую фигуру Александра Степановича, потом посмотрел на мощного сообщника. Сравнение явно было не в пользу хозяина.

– Я с вами пойду, – внезапно решил Иван.

– Не вопрос, – Александр Степанович подтянул портсигар, открыл, вынул самодельную сигарку, набитую самосадом и квадратную бензиновую зажигалку. – Сейчас покурю и пойдем. Самый парок. Вы раздевайтесь пока, хлопцы.

Ури демонстративно достал и положил на стол пистолет-пулемет Mini Uzi, а сообщники, выйдя из-за стола, начали раздеваться.

– Одежду туда кладите, – Александр Степанович показал на два старых кресла, выброшенных из правления и обретших новую жизнь, стоящих в торце предбанника. – У нас никто не возьмет, – усмехнулся, пыхнул ароматным дымком. – Чужие здесь не ходят, – затушил окурок в жестяной банке, когда-то бывшей масляной братской могилой для балтийских шпрот. – А вы, Ури, пока сходите в дом, – встал с табурета, посмотрел на Ури.

– Зачем?

– Стаканы взять в серванте, да в холодильнике еще одна банка пива стоит, – открыл дверь в баню. – Я пошел, вы, хлопцы, за мной.

– Погоди, дядя, – Иван положил на плечо Александра Степановича крепкую руку, – я первый.

– Как будет угодно, племянничек, – Александр Степанович широко улыбнулся и пропустил Ивана вперед. Затылком чувствуя ствол узи, шагнул следом. За ним втиснулся Ацтек. – Дверь закрывайте, – обернулся к нему Александр Степанович. – Нечего пар без дела выпускать.

Толстая дверь с грохотом закрылась, отрезав предбанник с недовольным Ури.

– Парилка там, – хозяин показал на дверь. – Заходим и садимся на полоч. Вам венички поставить отмокать какие?

– А что, есть разница? – удивился Иван.

– Конечно, – пожал плечами, – есть дубовые, есть березовые, есть еловые, только за ними на чердак надо лезть.

– Мне дубовый, – решил Иван.

– Хороший выбор, – Филатов взял веник из груды лежащих на скамье. – А вам?

– Мне... мне тоже дубовый, – ответил Ацтек.

– Хорошо, – в руках Александра Степановича словно сам собой оказался еще один веник.

Открыв дверь, зашел в парилку, опустил веники в стоящую в углу кадушку с горячей водой. Залез на полоч подале от котла, сел на горячую ароматную доску. Ацтек и Иван, помявшись, устроились рядом.

– Позвольте полюбопытствовать? – Александр Степанович указал на татуированную надпись «NEW WORLD ORDER» вписанную в круг на правом плече Ацтека. – Я в свою бытность милиционером таких не встречал.

– Новый мировой порядок означает, – осклабился Ацтек.

– Забавно, – Филатов покачал головой. – А сие что означает? – показал на выбитый на груди пучок стрел, окруженный круговой надписью «Concordia Integritas Industria».

– Сие означает, дед, что ты слишком любопытный.

– Понял. Хорош парок, да?

– Да, – отозвался Иван.

Ацтек кивнул.

– Баня в нашей жизни первое дело, – рассуждал Филатов. – От многих хворей только баней и спасаются: кто спиной мается, кто суставами – все в баню. У меня самого операция была, – показал на ногу, – вены вырезали, нога потом гнила. Врач запретил баню, сказал: «Даже думать не моги», ну так я потихоньку. И все зажило, как на собаке, не поверите.

Влажный пар тяжело окутывал, тела заблестели от пота.

– Главное допрежь всего – это хорошо пропотеть, – не унимался Александр Степанович, – чтобы поры открылись, что бы все шлаки из организма вышли. Потом хорошо бы в снежке искупаться. Прямо как иголочками кожу колоть начинается.

– Нет снега, – пробурчал Ацтек.

– Можно и холодной водичкой, потом опять в парилочку для контраста. Кто с баней дружит, тот сто лет проживет.

– Здоров ты, дед, языком молоть, – с непривычки тяжело дыша, с уважением сказал Иван. – Прямо как депутат, никакая жара тебе не помеха.

– Дык наше стариковское дело маленькое: выпил стаканчик и сиди на завалинке, семечки лузгай да на молодок поглядывай. А вы чего ко мне приехали, добры молодцы?

– Дело до тебя есть.

– Какое?

– Не болтай, – недовольно пробурчал Ацтек.

– Ты, паря, как наш замполит, хи-хи-хи, – мелко захихикал Александр Степанович. – Тот тоже все говорил: «Не болтай, да вокруг шпионы». И еще, хи-хи-хи: «У стен есть уши.»

– Все равно Ури скоро скажет, – решился Иван.

– Ну, смотри сам, – Ацтек отвернулся и стал смотреть на печку.

– Надо чтобы ты нас в Карловский лес отвел, – объяснил Иван.

– Зачем? – искренне удивился Александр Степанович.

– Этого я не знаю, Ури скажет.

– А ежели не поведу? – хитро прищурился Александр Степанович.

– Зарэжем, ха-ха-ха, – заржал Ацтек. – Шутка, дед, не бойсь. Удушим, как котенка, и все дела. Вот это не шутка, – недобро посмотрел на хозяина.

– Шутники, – Александр Степанович покряхтывая осторожно слез с полка. – Я парку поддам, – вышел из парилки, снял со стены ковш. Подставил под кран из котла.

– Ты это чего? – насторожился Ацтек.

– Кипяточку налить, что бы на камни плеснуть, – простодушно объяснил Александр Степанович. – Тогда парок будет погуше.

– Э нет, дедушка. Ты кипяточком-то в нас плеснуть можешь. Положь ковш.

– Я тогда холодненькой? – заискивающе улыбнулся Александр Степанович. – Не такой, конечно, парок, но на безрыбье и рак рыба.

– Раки красивые, – облизнулся Иван.

– Так я поддам?

– Да поддавай ты уже! – не выдержал Ацтек.

Александр Степанович зачерпнул холодной воды, накиннул на левую руку рукавицу и откинул задвижку дверцы. Широко распахнул дверцу и со всего маха плеснул воды на раскаленные камни. Упал на спину. Лопающиеся камни словно шрапнель пронесли по парилке. Залитый кровью Иван рухнул с полка. Ацтек, схватившись за голову, закричал, но вскочивший Александр Степанович ударил его снизу ручкой ковша. Окровавленная ручка, пробив кожу подбородка, вышла изо рта Ацтека.

Александр Степанович распахнул дверь и выскочил в предбанник. Ури с банкой и стаканами как раз вошел в дверь. Александр Степанович ударил его ногой в пах и едва успел подхватить банку. Поставил на стол, взял пистолет и ударил согнувшегося Ури рукояткой по затылку. Вернулся в баню и двумя выстрелами в голову добил Ивана и Ацтека. Выволок из парилки, вышел в предбанник.

Быстро обыскал вырубленного, выкладывая добычу на стол. Хмыкнул, обнаружив импортные наручники с цепочкой. Кто-то неплохо ребяток снарядил на встречу со старым участковым, давно ушедшим на пенсию, не пожалел средств. Налил себе стакан, жадно выпил.

Завернув руки Ури за спину, замкнул наручниками и снова наполнив стакан с сожалением вылил на голову лежащего. Хлопнул себя по лбу: можно же было взять холодной воды из фляги, а не переводить на стервеца дефицитный продукт. Теперь поздно: снявши голову по волосам не плачут.

Ури зашевелился, застонал. Александр Степанович приподнял тело и толчком отправил в кресло. Подошел и залепил пару жестких пощечин.

– Говори, сука.

Ури молчал, глядя исподлобья.

Еще пара пощечин, от которых голова пленного мотнулась из стороны в сторону.

– Говори!

– Тебе не жить, мусор!

– Ты не представляешь, сколько раз я это слышал за свои годы, – ногой подтянул табурет, хотел было сесть, но хмыкнул и спохватился: взяв с лавки надел чистые кальсоны, а потом галифе. Натянул майку, закурил. – Вот теперь поговорим, – сел на табурет. – Рассказывай.

– Что?

– Какого хрена вам от меня было надо?

– Поговорить хотели.

– Хотели бы поговорить – пришли бы как люди и поговорили. А вы такую баню испортили, черти нерусские.

– С чего ты взял, что мы нерусские?

– Я же не дурак, – выдохнул струю дыма, – и глаза на месте. Видел, что у твоих шестерок стручки обрезаны. У тебя тоже?

– Я гражданин Израиля! И вы не имеете права...

– А мне хоть Сектора Газа, – легонько щелкнул апперкотом с левой в подбородок, заставляя замолчать. – Я тут на все право имею. Израиль далеко, а ты тут, в полной моей власти. Я ведь сначала было подумал, что вы из ГБ-шников бывших, под блатных рисующихся, – встал, подошел к столу, налил пива, вернулся на табурет со стаканом в руке, – а когда обрезки увидел, то дошло, что вашего брата в КГБ не брали. Понял, что дело нечисто, – отхлебнул пива. – Да и ребятишки твои расслабились, языки распустили. Банька завсегда человека мягше делает, гуманнее, – допил, перевернув опустевший стакан, резким движением разбил о голову Ури. – Я бы даже сказал – добрее. Короче, у меня еще возни много – трупы прикапывать, баню отмыть от вашей поганой крови. Говори, не томи.

– Я из Моссада⁹, – мотнул головой, чтобы струйка крови с порезанной макушки не текла в глаз. – Ацтек и Иван местные, расходный материал на одну операцию.

– Я так и думал – дисциплины никакой. Так какого черта от меня надо Моссаду?

– Мы должны были сработать под местную братву.

– Не очень вышло, да и местную я все знаю, еще с тех пор, когда они голубей гоняли.

Дальше.

– С твоей помощью добраться до Карловки.

– Зачем?

– Этого я не знаю. Инструкции должен был дать связной.

– Юлиан Семенов отдыхает.

– В Карловке мы должны были встретиться со связным.

– Ты меня случайно за нос не водишь, сын Синая?

– Нет.

– Как узнать связного?

⁹ «Моссад» («Ведомство разведки и специальных задач») – политическая разведка Израиля, по назначению и функциям сравнимая с ЦРУ. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Моссад>

– Не знаю, он должен был сам на нас выйти.

– Что же с тобой делать? – встал, забрал табурет, переставил к столу. Начал чистить сушеного окуня, задумчиво глядя на Ури. – Сдать нынешнему КГБ или как они сейчас называются? Сдать и пускай с тобой разбираются? Ну так два трупа же за дверью лежат...

– Я никому не скажу, клянусь!

– Все так говорят... И оставлять тебя нельзя: один не усторожу. Либо сбежишь, либо меня кокнешь. М-да, дилемма, как говорит учитель математики.

– Отпусти меня, – Ури просительно заглянул в глаза.

– А ты мне потом пригодишься? – усмехнулся горько. – Жизнь не сказка, она страшнее.

Вы на машине?

– Да, возле ворот стоит.

– Как нехорошо. Поддеревни уже ее приметили. Неосторожные вы, – попенял пленнику, – непрофессионалы. Кто же в наши деревни так вламывается?

– Мы же думали, что вместе с вами выйдем, все тихо – мирно.

– А ежели бы не смогли врасплах захватить? У меня ведь и карабин имеется.

– Мне сказали, что вы будете в бане, а в баню с собой никто карабин не потащит.

– Итить-заплатить, – удивился Александр Степанович. – Кто же такой умный?

– Я их не видел, инструкции были напечатаны на бумаге. Но они даже про то, что у вас будут раки, знали.

Александр Степанович задумчиво посмотрел на раков. Неведомый противник слишком уж проникателен. Или... или сам и организовал все это: пиво и раков. Да и среди местных кто-то мог присматривать... Посмотрел на коробку импортной рации.

– Где вторая?

– В машине... – отвел взгляд, – в машине оставили...

– Почему тогда эту не оставил?

Ури молчал.

– Вам же кто-то отсюда сигнал подал, – уверенно сказал Александр Степанович. – Так?

Ури молчал, затравленно глядя в пол.

– Интересная штука, – Александр Степанович взял пистолет, навел на пленника. – Громко стреляет? Ну да и ладно, молчи, – отщелкнул предохранитель и надавил на спусковой крючок.

Хлопок, колено Ури взорвалось кровавыми каплями и костяной пылью. Ури закричал.

– Кричи, тут стены толстые: никто не услышит. А если и услышат, то подумают, что я напился и песни ору, – взял банку, щедро хлебнул пива. – Может пиво для того завезли, чтобы деревенским не до криков было?

Встал и поднял один из принесенных Ури стаканов. Подумав, поднял и поставил на стол и два других: нечего мусорить, еще и так баню придется оттирать от следов расправы. Но это потом, потом... Сейчас есть проблемы понасушнее.

– Кто подавал вам сигнал?

– Я не знаю! Правда не знаю! Он сказал в рацию и все!

– Хорошо, вот и полный консенсус у нас образовался, а ты боялся, дурачок. Ничего, до ночи, когда твой соглядатай забеспокоится и придет проверить, что к чему, у нас еще время есть.

VI

– Все веселее и веселее у тебя семейка с каждым рассказом, – покачал головой Володя. – Как вы все раньше в дурку не угодили?

– Вот как-то не сподобился.

– Веселое у тебя детство было, – сказал Андрей Иванович.

– И не говорите, – криво усмехнулся Виталий, – у меня с самого детства жизнь была веселой. Еще помню, в Покровке случай был. Там отец был помощником колхозного агронома, а мать в декрете. Она заболела сильно: воспалился безымянный палец на левой руке, поврежденный рыбьей костью. Заражение дошло до того, что начала гнить косточка грудью. Кормила меня бабушка Дуня, мать отца. Она делала из коровьего молока и разной ерунды заменитель материнского молока. Видать не зря есть такая поговорка: «Любите внуков! Они отомстят за вас вашим детям!»

Через месяц косточка прорвала кожу на пальце матери и та, наконец, попала в больницу. Торчащий вбок конец злосчастной косточки так и остался у нее, думаю, видели. Бабушка Дуня уехала в свою деревню, поэтому я остался на полном попечении отца. Папенька, как вы знаете, ленив как мерин, а так как тогда активно увлекся чесночными клизмами, то ему некогда было даже переодевать на мне испачканные колготки. К клизмам он перешел после безуспешных попыток уничтожить потенциально угрожающих ему глистов с помощью молока и селедки. Глистов он стал травить после того, как кто-то из родственников рассказал о нашей двоюродной или троюродной тете, уже не помню, погибшей из-за них. История там крайне странная произошла. Она никогда ничем не болела, но вдруг на шестидесятом году жизни решила провести профилактику от глистов методом селедки с молоком. Открывала плотно закрытую банку молока и умудрилась как-то ее раздавить и порезать себе сонную артерию осколком. Так и погибла, залитая алой артериальной кровью. А папа мой, будучи здоровым как сорок тысяч баранов, весьма и весьма мнителен во всем, что касается его драгоценнейшего здоровья.

Когда мать, помахивая облезшим пальцем и спертым у соседки по палате томиком Ги де Мопассана, вернулась из больницы, то обнаружила провонявшую чесноком квартиру, мирно спящего со спринцовкой в заднице и горчичниками на спине папашу и меня, молча бродящего по сырой осенней улице в загаженных колготках. Молчаливым я был потому, что лет до пяти вообще молчал. То ли разговаривать мне с ними было не о чем, то ли еще какая-то веская причина на то была. Говорить начал только после рождения Коли.

Так что тому, что я молчал, мать не удивилась совершенно, а вот обосранными колготками, была неприятно поражена.

– Вить, почему ребенок шляется по улице в обосранных колготках?

– Я откуда знаю? Наверно, моцион совершает перед едой. Кто их, детей, поймет? Как говорится, акселераты.

– Вить, до чего же ты бесчувственный! А вдруг бы с ним что-нибудь случилось на улице?

– Да что с ним может случиться то? И вообще, я на работе устаю, мне не до него. Тут еще глисты эти...

– Какие глисты??? У тебя ребенок сам на глиста замороженного похож и тебе нет дела до этого!

– Отстань!

– Вить, какой же ты пень бесчувственный! Вот Леник – дядька, а и то, когда менял колготки, то на газетку Виталика клал. А ты же батя!

– Вот и пускай себе его забирает!

– Да как ты можешь? Это же твой сын!

– Кать, отстань. Я отдыхаю! Хватит уже с меня твоих нотаций.

В придачу к заработанному за это время раздражению кожи, плавно перетекшему в дерматит, оказалось, что у меня двухстороннее воспаление легких, и я близок к тому, чтобы покинуть негостеприимный мир. Меня экстренно госпитализировали в райцентр, где разрешили матери лежать со мной в палате.

После выздоровления мы с матерью вернулись домой. Будучи натурой утонченной и позмеиную мстительной она решила отомстить бесчувственному супругу, едва не обрекшему её на участь безответственной матери, потерявшей первенца. Упрекать толстокожего ирода было бесполезно, в чем она в ходе двухдневного скандала убедилась. Одобренный ЗАГСом подлец просто послал её на тот символ, с помощью и посредством которого появляются дети и, фальшиво насвистывая модный мотив из ритмов зарубежной эстрады, удалился в спальню, помахиная неразлучной спринцовкой. Хотел нанести очередной удар по гипотетическим глистам.

Маменька, хотя и набита под завязку предрассудками и суевериями, как бочка солеными огурцами, будучи с рождения хитрой как лисица, решение нашла оригинальное, но верное. Она приготовила на ужин пельмени на курином бульоне.

– Вить, я пельмени приготовила. Есть будешь? – позвала из кухни.

– Конечно, буду! Грузи в миску! Да побольше мне, побольше! И сметану ставь на стол! – ради пельменей даже такой комлевой лежень не считал зазорным слезть с кровати и, как умывающуюся муха радостно потирая руки, грузно прошлепать босыми ногами на кухню, переваливаясь при ходьбе как антарктический пингвин.

Пока он, исподлобья глядя на меня, хлебал большой деревянной ложкой, которой время от времени в воспитательных целях любил бить меня по лбу, наваристое жорево и сиплым басом рассуждал о внешней политике СССР, начиная со времен «нашего ответа Чемберлену», мать умудрилась завладеть его резиновой забавой и щедро добавила в клизму толченого красного и черного перца. Того самого, натыренного отцом из столовой.

– Спасибо, вкусные пельмени были! Но мало! Умеешь же, когда захочешь!

Когда уничтоживший полную кастрюлю пельменей отец развалился на кровати и прочно утвердил в задранной к потолку заднице клизму, справедливость восторжествовала. Будучи человеком воспитанным не берусь приводить все те слова, которые он выкрикнул.

Не знаю, какие изменения произошли в мозгу папаши, но клизмами он после этого больше не баловался. Где-то с неделю после этого укола судьбы он ходил, сильно нахохлившись с топорщившимися волосами и нелепо переваливаясь при ходьбе как обманутый селезень-переросток.

Не прошло и недели после, как я сам умудрился приобрести похожий опыт: я вопреки категорическому запрету матери выскользнул на балкон. И там умудрился влететь в большую кастрюлю с горячей водой. Обварился очень сильно. И мало того что обварился, но убегая от боли, умудрился упасть в кучу стекловаты, откуда-то натащенную отцом.

– Внушает, – кивнул Володя.

Березово-осиновые перелески сменялись заросшими васильком полями с торчащими кое-где, словно вежи, останками сельхозтехники: торчал то ржавый комбайн «Нива», то мамонтом выглядывал трактор ДТ-75, то похожий на отощавшего бегемота «Беларусь». Поля сменялись светлым сосняком, а потом черная лента асфальта нырнула в поле.

– Притормози, отлить схожу, – попросил Виталий.

Игорь обернулся к Андрею Ивановичу и, получив утвердительный кивок, съехал на обочину.

– Я быстро, – Виталий вышел из машины и, спустившись с дороги, пошел к тонкой линии защитной лесопосадки.

– А если он псих? – Володя озвучил давно мучивший его вопрос.

– Да, – кивнул Игорь, – если он на всю голову больной?

– И даже немного выпить, – кивнул Андрей Иванович, – сугубо для снятия стресса, грамм по пятьдесят.

– Такой стресс пятьдесят грамм не снимут, – хмыкнул Володя.

– Хорошо, сто пятьдесят, – согласился Андрей Иванович. – Но только тем, кто не за рулем.

Кафе под вывеской «Харчевня» возвышалось над дорогой на небольшом холме. Рядом неуместно торчала стальная рама для осмотра машин снизу.

– Они что, и тачки тут ремонтируют? – удивился Игорь, выруливая на небольшую заасфальтированную площадку перед кафе, на которой уже приткнулся подержанный жигуль-шестерка.

– Может мастерская тут была? – предположил Володя и, выйдя из машины, с наслаждением потянулся. – Сейчас шашлыка возьмем и супа-харчо, – потер руки, – да под водочку.

– Не спеши, – тихо сказал вылезший Виталий, – что-то тут не так...

– Что не так? – насторожился Андрей Иванович.

– Пока не знаю...

– Игорь, ждешь в машине, – велел следователь. – Виталий, ты вперед.

Виталий подошел к двери, подергал ручку:

– Закрыто, – постучал.

– Что надо? – дверь приоткрылась, явив всклокоченного небритого кавказца в испачканном кровью переднике.

– Поужинать хотели, земля.

– Сколько вас?

– Четверо, а что? – ответил подошедший Андрей Иванович.

– Закрыто у нас, не обслуживаем.

– А машина чья?

Пока работник общепита растерянно молчал, Виталий рванул дверь на себя.

– Ты чего? – возмутился кавказец, но Виталий, не обращая на него внимания, шагнул мимо.

– Ты чего, брат? – крикнул ему в спину кавказец.

– Не брат он тебе, – Володя протиснулся в кафе. – И вообще, лучше его братом не быть, поверь.

Андрей Иванович зашел за товарищами. За столиком у окна сидела молодая женщина. Столик был накрыт на две персоны. Следователь повернулся к кавказцу:

– Их, значит, обслуживаете?

– Э... они... э...

– Нас тоже накормите, – жестко отрезал следователь и пошел к столику, облюбованному Виталием и Володей.

– Четвертого зовите, – смирился работник кафе.

– Он подождет. Здравствуйте, – проходя мимо, поздоровался с женщиной. – У вас все нормально?

– Здравствуйте. Нормально, только муж вышел и долго нет его...

Женщина вскрикнула и Андрей Иванович успел обернуться, уходя с линии атаки и ударив по руке с ножом.

– Васил! – закричал напавший, отскочив.

Из кухни метнулась фигура в халате и вскинула обрез. Следователь рухнул на пол. Хлестнул выстрел, снап огня вырвался из ствола. Женщина захрипела: заряд картечи угодил ей в грудь. Следователь, выхватив ПМ, всадил пулю в кавказца с ножом. Виталий, толчком сшибив на пол лейтенанта, метнул любимую отвертку в Василю, попав в плечо, и рухнул как

подкошенный. Заряд из второго ствола пронесся над ним. Следователь не спеша всадил пулю точно в переносицу стрелка.

В кафе стало тихо: только женщина хрипела простреленными легкими, да булькал пробитым горлом несостоявшийся «брат» Виталия. Андрей Иванович держа на прицеле дверь в кухню осторожно поднялся с пола.

– Вы целы?

– Я в норме, – Виталий встал и подал руку лейтенанту.

– Я тоже, – поднялся Володя.

– Посмотрите, что с ней, – Андрей Иванович подошел к двери, отодвинул ногой обрез, перешагнул труп.

Открывшаяся на замызанной кухне картина могла вызвать рвоту у менее закаленного, но даже Андрей Иванович почувствовал легкую тошноту: на большой разделочной колоде лежало то, что осталось от тела незадачливого посетителя. Отрубленные части тела небрежно лежали на металлическом столе.

– Ничего себе! – послышалось за спиной.

Андрей Иванович обернулся – бледный лейтенант стоял в дверях.

– Твою мать! Они из него что, готовить собирались?

– Судя по всему, да.

– Твою мать! – Володя согнулся. Его вырвало прямо на труп.

– Мертвая, – коротко отрапортовал подошедший Виталий, впитывая взглядом обстановку. – Так вот чего надо было беречься...

– Ты про что?

– Не обращайтесь внимания, – нагнулся и, стараясь не испачкаться в крови и рвоте, поднял обрез. – Просто мысли вслух.

– Интересные у тебя мысли, – недобро прищурился следователь. – Ты же знал про это, да?

– Подозревал, – переломил стволы, задумчиво посмотрел на гильзы. – Шестнадцатый.

– Очередной сосед по палате излил душу? – Андрей Иванович подошел к Виталию, борясь с желанием схватить его за воротник и сильно встряхнуть.

– Нет, – Виталий прямо посмотрел в глаза следователя. – И если я скажу, то вы все равно не поверите.

– Ты скажи, – спрятал пистолет, – а я сам решу, верить или нет.

– Скажу. – Виталий повернулся и пошел к двери, – только чуть позже, – открыл замок и вышел на улицу.

– Чего это он? – спросил пришедший в себя Володя.

– Не знаю, – следователь подошел к телу женщины, приложил палец к сонной артерии, вздохнул.

– Умерла?

– Возможно, для нее это было не самой худшей смертью. Не известно, что бы с ней сделали после того, как закончили с мужем. Если бы мы не подъехали...

– Что с трупами будем делать?

– Не знаю.

– Я знаю, – вошел Виталий с бутылкой «Финляндии» в руке. – Сжечь тут все к чертовой матери.

– Так они без вести пропадут.

– И что?

– Родные будут думать, что случилось.

– Думаю, для родных лучше не знать, что их хотели съесть, – Виталий нашел пустые стаканы, выставил на уцелевший стол, разлил водку. – Давайте помянем невинно убиенных.

Мужчины переглянулись. Виталий выпил. Володя взял стакан и последовал его примеру. Следователю ничего не оставалось, как выпить.

Открылась дверь, вошел Игорь с алюминиевой канистрой.

– У них не шибко много в баке было, – сказал, пугливо косясь на побоище и протянул канистру Володе. – Я нам в бак долил, а тут вот.

– Ты зачем бензин слил? – удивился лейтенант.

– Виталий сказал, – смутился Игорь. – Не надо было?

– Сжечь все надо, – сказал Виталий. – Тут деревня неподалеку. У людоедов могут быть родственники или сообщники.

– С чего ты взял? – не понял лейтенант.

– Не пешком же они ходят? А машин возле кафе нет. Телеги с лошадьё то же.

– Верно, логика есть, – согласился следователь. – Вы вот что, братья: возьмите тело женщины и отнесите в их машину. А мы тут с Виталием сами справимся.

– Как скажете, Андрей Иванович, – Володя ухватил Игоря за плечо и потащил наружу.

– Я жду.

– Все равно не поверите, – налил водки, выпил. – Когда мы останавливались и я выходил отлить, елка сказала мне, что надо беречься харчевни, которая впереди...

– Кто сказал? – подумал, что ослышался, Андрей Иванович.

– Елка, – Виталий виновато развел руками, – дерево такое, вечнозеленое, с иголками.

– Ты не шутишь? – взгляд следователя впился в лицо Виталия.

– Поверьте, мне не до шуток.

– Налей и мне, – попросил Андрей Иванович.

Виталий наполнил стакан, следователь выпил.

– И как она тебе сказала?

– Вроде как ветер в ветках прошуршал, только ветра не было.

– Понятно...

– И еще там...

– Что?

– Вроде как лицо человеческое из ствола смотрело, но может мне просто показалось...

– Может быть, – Андрей Иванович огляделся. – Думаешь, надо все сжечь?

– Думаю, что надо.

– Там плита газовая на кухне: баллоны взорвутся.

– Взорвутся, но не сразу, мы успеем отъехать. Можно вообще газ открыть – гореть будет лучше.

– Принимается. Поищи пока на кухне спички и патроны, я тут займусь.

Пока Виталий быстро обшаривал кухню, следователь свалил в кучу столики и стулья, сорвал с окон занавески.

– Не густо, – вышедший из кухни Виталий показал полупустую пачку патронов и коробок спичек.

– Лучше, чем ничего. Газ открыл?

– Так точно.

– Тогда уходим, – взяв канистру, начал поливать бензин. – С улицы подожжем.

Вышли, оставляя за собой дорожку из бензина.

– Когда-то я стоял на страже закона, – вздохнул Андрей Иванович.

– А теперь вы сами закон, – Виталий посмотрел на крышу «шестерки». На крыше сидела крупная птица, похожая на мягкий пушистый шарик с поднятым торчком коротким хвостиком, и с одобрением смотрела на людей.

– Что там? – обернулся Андрей Иванович.

– Птичка...

– Просто птичка или?..

– Не знаю. Я такую птичку раньше не встречал. Хотя, после того, что я видел в Карловке, я уже ни в чем не уверен, – чиркнул спичкой о коробок и бросил огненный зародыш. Бензин с легким хлопком вспыхнул – синеватый огонек устремился в кафе. – Сгорел сарай – гори и хата.

– Пошли быстрее, вдруг рванет раньше.

Сели в машину, отъехали.

– Если нас поймают, – ни к кому не обращаясь, сказал Володя, – то нам светит вышка.

– Думаю, у нас впереди есть проблемы поважнее, – сказал следователь.

– И самая первая из них, – вставил Виталий, – где бы нам поужинать.

VII

– Долго сказка сказывается, не долго жизнь течет, – Александр Степанович принес из бака кипятка в опустошенной трехлитровке и тонкой струйкой полил на раненое колено Ури. Ури закричал.

– Считаю, что рану тебе промываю.

– Я скажу!

– Говори, кто же против? У нас демократия и гласность.

– По голосу это был дед.

– Чей дед?

– Просто дед, старый!

– Тут полдеревни дедов да старух, только золотых рубок нет, – наклонил банку. – Вам же рацию у него надо было как-то забрать. Да и ... – кольнула внезапная мысль, – подчистить за собой?

– После операции в Карловке необходимо было вернуться и вызвать агента, – тусклым голосом признался Ури. – И устранить...

– Что же в Карловке такого, что вы готовы людей убивать пачками, никого не щадя?

– Там...

– Что там?

– Там летающая тарелка.

– Чего? – Александр Степанович едва не выронил банку и поморщился от попавших на руку капель кипятка.

– Космический корабль инопланетян.

– Ты умом не тронулся, случайно? – от греха подальше поставил банку на пол.

– Корабль пришельцев с другой планеты. Не верите?

– Нет.

– Зря. Еще в июле 1947 года в США, в штате Нью-Мексико возле города Розуэлл разбилось летающее блюдце инопланетян. И три пришельца-карлика в нем. Так американцы после этого технологию «стелс»¹⁰ разработали. И это только из того, про что известно. А мы чем хуже? Если мы сумеем захватить инопланетные технологии, то станем ведущей мировой державой. Никаким арабам с нами не справиться!

– Хорошо, допустим, я тебе поверил. Как вы собираетесь летающую тарелку через границу вывезти? – против воли заинтересовался Александр Степанович.

– Сначала надо ее найти, а потом... Ты только подумай, какие деньги можно на этом заработать.

– Покойнику деньги без надобности.

– Я возьму тебя в долю, только не убивай!

– Вот заладил: на колу мочало, начинай сначала, – Александр Степанович задумался.

В корабль инопланетян верилось слабо, но, с другой стороны, в Карловке странностей выше крыши, никакое «Очевидное-Невероятное» вместе с «Клубом кинопутешественников» не разберутся. Да и слухи про золото, спрятанное в тамошних местах Александр Степанович слышал с самого детства. Отец даже рассказывал маленькому Саше, что его дед, Афона-

¹⁰ Стелс (англ. stealth, также стелс-технология) – комплекс способов снижения заметности боевых машин в радиолокационном, инфракрасном и других областях спектра обнаружения посредством специально разработанных геометрических форм и использования радиопоглощающих материалов и покрытий, что заметно уменьшает радиус обнаружения и тем самым повышает выживаемость боевой машины. Технологии снижения заметности являются самостоятельным разделом военно-научной дисциплины электронных средств противодействия, охватывают диапазон техники и технологий изготовления военной техники (самолётов, вертолёт, кораблей, ракет и т. д.). <https://ru.wikipedia.org/wiki/Стелс-технология>

сий Миронович, ходил на рыбалку на Карловские лесные озера и нашел две золотые монеты, спасшие его в голодные годы. Может летающая тарелка была лишь прикрытием для поисков золота? Да и вообще, слова про Моссад могли быть ложью, прикрытием для шайки золотоискателей-контрабандистов. Звучит невероятно, значит правда?

Эх, погорячился, убил придурков. А что было делать? В одиночку с тремя молодыми и здоровыми, а судя по внешности Ацтека, еще и со спортивным прошлым, Александр Степанович не смотря на богатый опыт мог бы не справиться. Нельзя было рисковать и оставлять их за спиной, нельзя. А теперь с двумя жмуриками идти к властям чревато. Пока суд да дело, закроют в СИЗО. А там бывшему милиционеру придется несладко. Да и неизвестно, как Фемида нового государства посмотрит на подвиги бывшего представителя «репрессивных органов». С другой стороны, если ждать, то вскоре на руках может оказаться третий труп – что тогда делать? Хотя... кто мешает отвезти в тот самый Карловский лес, куда они так стремились и прикопать? Там сроду никто не найдет. А если и наткнется кто ненароком на тела, то в Карловке народ специфический, вряд ли кто будет об этом болтать. Но что делать с Ури?..

Ури, видимо поняв, что решается его судьба, не стал ждать и выкинул финт. Подхватил ногами, раненой не пожалев, банку с горячей водой и метнул ее в Александра Степановича. Филатов, падая на спину, автоматически вскинул руку с пистолетом и дважды нажал на курок. Зашипел от боли и, вскочив, начал срывать галифе, залитые кипятком из разбитой пулей банки. Нешадно матерясь, прыгал по осколкам.

– Твою мать! Кто мешал сапоги обуть? Хотя, – плюхнулся на пол, привалившись спиной к стене, успокаиваясь, был бы в сапогах – штаны бы так быстро не стащил.

Ури, пораженный двумя пулями, смотрел в стену единственным уцелевшим глазом. На месте второго пузырилось кровью входное отверстие.

– Твою мать! – выругался Александр Степанович.

Ситуация на глазах осложнялась. Порезанные стопы пульсировали болью, пачкая кровью выскобленный пол. Со стеклом в ногах много не повоюешь, а что воевать придется, с каждой минутой становилось все яснее. И чего этот дурак сорвался как с цепи? Какого черта он такой фортель выкинул? Ведь мог бы еще и пожить. В любом случае, закапывание трупов теперь отменяется – пораненными ногами на лопату толком не надавишь. Придется бросить в болото, хоть и не хочется.

Подтянул стоящие у порога сапоги и, шипя от боли, начал натягивать на ноги. Аптечка в доме – надо идти туда. Встал, с досады плюнул в лицо трупа и поковылял из бани.

Ехали в молчании. Виталий придирчиво осматривал трофейные патроны, Володя время от времени прикладывался к горлышку бутылки. Андрей Иванович смотрел в окно, размышляя, куда приведет эта дикая поездка, все больше похожая на дикую охоту. Наткнуться на ровном месте на промышленяющих грабежами и убийствами людоедов – это явно выходило за рамки простого невезения. И совпадением не пахло никак. Какой-то всемогущий режиссер или режиссеры управляли событиями и неизвестно, что ожидало за следующим поворотом.

– Там дальше деревенька будет, – прервал мысли следователя Виталий, – Почаевка.

– И?.. – не понял Андрей Иванович.

– Можно заехать и похарчеваться.

– У тебя там есть знакомые?

– Леня Гусь, смотрящий тамошний.

– Я слышал, – подал голос лейтенант, – что у тебя с блатными проблемы были после убийства Витька.

– Было такое, – не стал отрицать Виталий, – но я думал, уже все понятно должно быть, что я тут не при чем.

– Напрасно ты так думал. А Леня Бруй? Там же тоже непонятки.
– Ты что, – Виталий резко обернулся к лейтенанту, – думаешь, что Бруя на меня вешают?
– Вроде как так поговаривали, – осторожно сказал Володя.
– Копать-колотить! Как бабушка говорила. Так что, на меня всех собак повесили? И ты только сейчас об этом сказал? Я думал, без меня тут все застыло, как муха в вязкой жиже янтаря, а тут, оказывается, жизнь бьет ключом и все по голове.

– Бутуя-то явно ты пришел... За Бутуя по любому спросят...

– Идея поужинать отменяется, – решительно сказал Виталий. – По-хорошему мне вообще сейчас надо рвать когти с максимальной скоростью и в противоположном направлении. Черт! Я ведь хотел оружием у него разжиться. Как же я сразу не подумал, что к блатным соваться нельзя? – сказал виновато. – Но без оружия с нас тоже толку мало будет: Карловка вооружена до зубов, а у нас ПМ и обрез.

– И патронов в обрез, – невесело пошутил Володя.

– Может, ты драматизируешь? – осторожно спросил Андрей Иванович. – Может, никто и не станет в нас сходу стрелять?

– Может и не станет, но быть глупой уткой на открытии охотничьего сезона я не собираюсь. Давайте вот что сделаем: если нельзя к уголовникам, то поедem к тому, кто против них.

– Это к кому? – не понял лейтенант.

– К твоему бывшему коллеге Александру Степановичу. Он в Давыдичах живет, у него как минимум ружьем разжиться можно, а если повезет, то и не только.

– Старому участковому? – уточнил следователь.

– Так точно.

– Который смерть Фомичевых покрыл?

– Тот самый.

– И ты думаешь, что он нам поможет?

– Не уверен, но особого выбора у нас нет.

– А с чего ему нам помогать? – спросил Володя.

– Хотя бы с того, что если бы, он тогда не закрыл глаза на убийство Фомичевых, – жестко сказал Андрей Иванович, – то многих смертей могло бы не быть.

– Может и могло бы, – пожал плечами Виталий, – а может и не могло. Кот Сашки Куприянова точно бы в живых остался. И Лени Бруя кошка...

– А что он за человек? – спросил следователь.

– Ну, – начал Виталий. – Слушайте. Он был в нашей деревне участковым, в звании капитана. Хотя, когда я попал на учет в детскую комнату милиции, за вагончик, он еще старшим лейтенантом был. Можно сказать, рос у нас на глазах. Понятно, что жить у нас в деревне участковый, по определению не мог. Поэтому был приходящим, точнее приезжающим. Так что в случае кражи социалистического имущества седлал свой «Урал» с коляской и приезжал вести следствие и дознание. Иногда и на драки приезжал, если приезжих сильно мордовали, и они после писали жалобы. Но в основном, кражи – вопросы мордобоя и поножовщины, как правило, решались без привлечения милиции.

Так что приезжал он, находил вора путем, допроса местного криминального контингента. Вообще воров найти было не трудно: допустим, пропал теленок с фермы. Дальше как в римском праве – «*cul prodest?*» «Кому выгодно?» – так сказать. А выгодно тому, кто лежит с утра пьяный и орет дурные песни. Путем несложных процедур память к похитителю возвращается, и он пишет «явку с повинной». Вуаля, дело раскрыто! Но при этом надо заметить, что Степаныч справедливый был: никогда не выбивал признание из невиновных.

Раскрытое дело надо было в строгом соответствии со старой русской традицией отметить. Отмечать раскрытие дела Степаныч приходил в наш сад, питая слабость к моему вину.

– Ну что преступник малолетний, – приветствовал меня. – Вино имеется?

– Да.

– Тогда тащи! Дело раскрыто, отметить надо.

Иногда так увлекался, что ложился спать прямо на скамье. Поспит пару часиков, проснется. Выпьет чаю с медом и в путь! Или затеет меня приемам самбо обучать. А то еще часто предлагал пострелять из табельного ПМ. Но я отказывался – опасался, что кто-то будет идти по асфальту и станет жертвой шальной пули. Мало ли? Всякое бывает.

Однажды наш доблестный Степаныч уж слишком увлекся вином. Молодое вино вообще очень коварно. Вроде, как и не хмелит поначалу, а ноги то уже не держат. Остался по темноте на лавке ночевать. Благо время летнее, не холодно. Да и комары по какой-то причине его не кусали. Мирно проспал там всеми забытый полночи. А потом, выйдя в сад и обойдя дом, подошел к гаражу. По летнему времени машину отец в гараж ленился загонять (в лом ему было многочисленные запоры на воротах отпирать) и стояла она возле гаража, под фонарем. УАЗ-3003 тогда у него был, в народе прозываемый «головастиком».

Не знаю, с чего Степанычу пришла идея угнать машину. Пошутить хотел, или отца проучить, чтобы в гараж загонял. Проснулись мы среди ночи от диких криков. Гараж, как помните, стоит на насыпной горке со значительным уклоном. Не знаю, как так у Степаныча получилось, УАЗ наехал ему на ногу и остановился на ней. А участковый орал – самостоятельно не мог выбраться из-под колеса. Наверное, залез в кабину, снял с ручника и решил вылезти – а машина под горку покатила. Не знаю. Но мата от разбуженного отца он наслушался по самое не хочу. Отец вообще дюже не любит, когда его будили.

– Немедленно снимите с меня машину! – верещал доблестный милиционер.

– Ты какого лешего туда полез? Тебе чего не спится, болвану в фуражке?

– Требую освободить представителя власти!

– Кого-кого? Какого представителя? Я тут власть!

– Это нападение на сотрудника милиции при исполнении!

– Совсем ополоумел уже? Какое нападение? Вот сейчас пойду спать...

– Вить, ты чего? Какое спать? Вдруг у меня гангрена разовьется и ногу отпилят? – мгновенно протрезвел Степаныч.

– Какой я тебя Витя, дурилка протокольная? Обращайся по форме! – куражился отец.

– Виктор Владимирович, освободите меня. Ну, пожалуйста!

– Ладно, – смилостивился отец, залезая в кабину. – Виталий, принеси ключи от машины.

– Чего ты без ключей полез? – вновь заорал несчастный участковый. – Больно же!

– Терпи, капитан, генералом станешь, – поерзал по сиденью отец, ощутимо раскачивая машину.

Я принес из дома отцовскую связку ключей и незадачливый Степаныч был наконец-то освобожден.

– Да, – задумчиво сказал Андрей Иванович. – Такой человек мог и пойти на скрытие преступления.

– Может у отца на него что-нибудь есть такое? – предположил Виталий. – И он его шантажировал?

Машину заметно тряхнуло и начало подбрасывать. Игорь затормозил.

– Ты чего остановился? – спросил лейтенант.

– Что-то вести стало, – Игорь вышел, обошел машину, попинал колеса, вернулся. – Заднее правое пробито: спустило, уже тлеть начало, – вопросительно посмотрел на брата.

– Заменим колесо. В чем проблема? – сказал следователь.

– У нас запаски нет, – виновато признался Володя. – Пробили, а поменять не было времени.

– И денег, – добавил Игорь.

– И что теперь делать?

- Можно завулканизировать, но у нас вулканизатора нет и резины тоже нет.
- Можно покрышку ветками набить, – предложил Виталий. – Мы так делали один раз, когда колесо пробили.
- И что, ехали? – заинтересовался Игорь.
- Не быстро так что бы, но кэ-мэ двадцать протянули.
- Давайте так и сделаем, – решил Андрей Иванович. – В посадке веток нарвем и набьем покрышку. Дотянем до жилья, тут уже недалеко – вон указатель виден, а там завулканизируем. Только с дороги съедь, и за посадку стань: нечего глаза мозолить.
- Съехали, объехав посадку, нырнули за нее.
- Можно болтиком с гаечкой и шайбой прокол заделать, – сказал Виталий.
- Его еще найти надо, – возразил Игорь, – а для этого камеру в воду опустить. Воды у нас нет.
- Можно мыльной пеной намазать и покажет.
- Мыла у нас тоже нет.
- У вас, я смотрю, ни говна, ни ложки.
- Хватит трепаться, – прервал Андрей Иванович. – Вы с Володей ступайте за ветками, мы колесом займемся.
- Как скажете, – покладисто согласился Виталий.
- Пока Виталий и Володя резали ветки, следовательно с Игорем сняли и разбортировали колесо.
- Плотнее набивайте, – Виталий бросил охапку веток и пошел за следующими.
- Импровизированный шиномонтаж занял около часа.
- Попробуем, – Игорь завел двигатель.
- Сильно только не гони, – предостерег Виталий, – а то загореться может. Мы когда ехали, то останавливались и водой поливали время от времени.
- Воды у нас нет, – ответил Игорь.
- Недоработка, надо хотя-бы ведро возить.
- Слышь, – вспыхнул Игорь, – это тебе не трактор, ведро к нему как в деревне цеплять.
- Давно городским стал? – насмешливо спросил Виталий.
- Стал!
- Ну так и сидел бы в своем городе. Чего к нам лезешь?
- Тебя забыл спросить! – машина дернулась и остановилась.
- Не ругайтесь, – попросил Андрей Иванович.
- А чего он? – Игорь обернулся за поддержкой. – Чего достает?
- Нервы лечи, – отрезал Виталий.
- Тебе много вылечили, шизик?
- Слышь ты, – Виталий ухватил Игоря левой рукой за куртку и рванул к себе, – базар фильтруй!
- Хватит! – следовательно звонко хлопнул в ладоши. – Виталий, отпусти его!
- Виталий послушно разжал руку.
- Игорь, почему не едем?
- В яму попали, – Игорь переключил скорость, погазовал.
- Машина редела, скрипела, дергалась, но сидела плотно – с места не трогалась.
- Приплыли, – Володя открыл дверь и вышел, – кина не будет, электричество кончилось. Все вылезли.
- Черт возьми, откуда тут яма? – удивился Игорь. – Когда с трассы съезжали, все нормально было.
- Не знаю, – следовательно задумчиво смотрел на грязевую ловушку, держащую «девятку» словно зыбучий песок. Действительно, когда съезжали, тут была нормальная колея.

– Толкать надо, – сказал Володя. – Игорь, садись, а мы толкнем.

Попытка вытолкать машину не увенчалась успехом.

– Уф, как танк в болоте, – Володя вытер вспотевший лоб. – Плотно сидит. Что будем делать?

– Есть время собирать камни и время разбрасывать их. Можно камней на обочине собрать, щебенки, гравия, – предложил Виталий, – и под колеса подсыпать. Может зацепятся и выедет.

– Сомнительно, – лейтенант покачал головой.

– Можно из веток типа гати сделать.

– Хм.

– Короче, – решил следователь, – ступайте собирать камни, а мы с Игорем веток нарежем, подстелем.

Где-то через час стало понятно, что ни камни, ни ветки не помогут выбраться из ловушки. Машина за это время продвинулась лишь на полтора метра.

– Нет, так дело не пойдет, – сказал Андрей Иванович.

– А что делать? – спросил Игорь.

– Я схожу в деревню, найду трактор, – предложил Виталий.

– Попробуй, других вариантов нет, – разрешил следователь. – Игорь, сходи с ним.

Виталий и Игорь дошли до деревни.

– Вон, – показал Игорь, заметив трактор у дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.